Годъ VI. 10 марта 1929 года. **№ 10.**

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Адресъ Редакціи: Warszawa (4), Zygmuntowska 13. „Woskresnoje Cztienje".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 24 злотыхъ, на полгода 13 злотыхъ, на 3 мѣсяца 7 злотыхъ, на 1 мѣсяцъ 2 зл. 50 гр.; отдѣльный номеръ 75 грошей. **Заграницу:** на годъ 3 доллара, на полгода 1 долл. 75 центовъ, на 3 мѣсяца 1 долларъ, на 1 мѣсяцъ 50 центовъ; отдѣльный номеръ 20 центовъ.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—100 зл., 1/2 стр. 55 зл., 1/4 стр.-30 зл., 1/8 стр.-20 зл., 1/16 стр.-15 зл. Многократныя объявленія помѣщаются со скидкой по соглашенію съ Редакціей. РУКОПИСИ безъ обозначенія гонорара считаются безплатными. Непринятыя рукописи возвращаются по желанію авторовъ за ихъ счетъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Разныя извѣстія.

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЖИЗНИ ПАТРІАРХА АНТІОХІЙСКАГО И ВСЕГО ВОСТОКА БЛАЖЕННѢЙШАГО ГРИГОРІЯ IV.

(Изъ письма изъ Іерусалима Архіепископа Анастасія).

Я не успѣлъ выѣхать ко дню погребенія Свят. Патріарха Антіохійскаго Григорія и поѣхалъ поклониться уже его останкамъ послѣ того, какъ онѣ были преданы землѣ въ Дамаскѣ.

Скончался онъ въ Сукъ-ель-Гарбѣ— загородномъ монастырѣ Митрополита Бейрутскаго, гдѣ происходилъ Соборъ Епископовъ (очередной, бывающій разъ въ два года).

Усиленныя занятія и волненія въ связи съ неправильнымъ отправленіемъ желудка увеличили выдѣленіе сахара, который достигъ 600⁰ на 1000, проникъ въ кровь и произвелъ зараженіе послѣдней.

Въ понедѣльникъ утромъ кровь хлынула изъ рта, что и означало начало предсмертной болѣзни.

Патріархъ прожилъ послѣ этого еще три дня, оставаясь въ полномъ сознаніи и проводя все время въ молитвѣ. Въ среду (12-го декабря по нов. ст.) раннимъ утромъ онъ тихо скончался.

Похороны по своей торжественности превзошли все, что когда-либо видѣла Сирія.

Соборъ прервалъ свои занятія на 40 дней, когда соберется вновь и будетъ обсуждаться вопросъ о выборахъ. Я засталъ еще всѣхъ членовъ Собора въ Дамаскѣ.

ПИСЬМО НОВАГО АРХІЕПИСКОПА КЕНТЕРБЕРІЙСКАГО НА ИМЯ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ РУССКАГО АРХІЕРЕЙСКАГО СИНОДА ЗАГРАНИЦЕЙ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА АНТОНІЯ.

21 января 1929 г.

Достопочтеннѣйшій и Возлюбленнѣйшій Братъ.

Сердечно благодарю Вас за письмо съ поздравленіями отъ Васъ и Архіерейскаго Синода Православной Церкви заграницей по случаю моего принятія на себя обязанностей Архіепископа Кентерберійскаго.

Нездоровье мѣшаетъ мнѣ писать пространно, но я не могъ оставить Вашего письма, хотя бы безъ этого краткаго отвѣта.

Конечно, я хочу сдѣлать все, что въ моей власти, для продолженія и укрѣпленія дружеских отношеній, которыя къ счастью существуютъ между англиканами и Святой Православной Церковью. Я хорошо знаю трудности, которыя Васъ окружаютъ, и молю Бога благословить Васъ и всѣхъ членовъ Русской Церкви и тѣхъ, которые подъ Вашей юрисдикціей.

Вашего Высокопреосвященства братъ во Христѣ

Космо Лангъ.

ОТНОШЕНІЕ МИТРОПОЛИТА СЕРГІЯ КЪ „ЖИВОЙ ЦЕРКВИ".

(Изъ книги Епископа Бориса „О современномъ положеніи Русской Православной Патріаршей Церкви", Москва, 1927 г.).

„Въ 1922 г. когда въ Москвѣ образовалось живоцерковное ВЦУ, М. Сергій съ М. Евдокимомъ и М. Серафимомъ Костромскимъ первыми признали законнымъ это Управленіе и напечатали въ журналѣ „Живая Церковь" слѣдующее обращеніе: „Мы, Сергій, Митрополитъ Владимірскій (тогда) и Шуйскій, Евдокимъ, Архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій, и Серафимъ, Архіепископъ Костромской и Галичскій, разсмотрѣвъ платформу ВЦУ и каноническую законность управленія, заявляемъ, что цѣликомъ раздѣляемъ мѣропріятія ВЦУ, считаемъ его единственной канонически законной верховной Церковной Властью и всѣ распоряженія, исходящія отъ него, считаемъ вполнѣ законными и обязательными. Мы призываемъ послѣдовать нашему примѣру всѣхъ истинныхъ пастырей и вѣрующихъ сыновъ Церкви, какъ ввѣренныхъ намъ, такъ и другихъ епархій. 16 Іюня 1922 года". Слѣд. подписи (Журналъ „Живая Церковь", 1-15 Іюня 1922 года, № 4—5). Такимъ образомъ, М. Сергій призналъ ВЦУ „каноническимъ", чего, по заявленію самихъ же обновленцевъ, не признавали за ВЦУ и сами обновленцы (Вѣст. Св. Син. № 12—13, стр. 41)".

Правда, послѣ этого М. Сергій покаялся формально, но въ дѣйствіяхъ своихъ не далеко ушелъ отъ живоцерковниковъ.

О СУДЬБѢ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАГО СОБОРА ВЪ РЕВЕЛѢ.

(*Письмо изъ Эстоніи*).

Надъ Эстонскою Православною Церковью все еще виситъ угроза срытія Александро-Невскаго Собора въ Ревелѣ. Безпокойство, поэтому, среди православныхъ большое. Нѣтъ, кажется, православнаго прихода и русской организаціи въ Эстоніи, которыя не заявили бы своего протеста противъ готовящагося акта вандализма. Не безучастно относятся къ сему даже и лютеране. Къ чести протестантскаго духовенства должно сказать, что и изъ его среды раздались голоса протеста, совѣтующіе даже,—въ случаѣ, если законопроэктъ о срытіи собора пройдетъ въ Государственномъ Собраніи,—поставить вопросъ на народное голосованіе. По ихъ убѣжденію народъ выскажется противъ, и задуманное злое дѣло провалится. Такъ оно, вѣроятно, и будетъ, если „законодатели" не образумятся. Народъ въ массѣ своей,—безъ различія вѣроисповѣданія,—противъ законопроэкта. Одинъ пожилой и почтенный деревенскій батюшка разсказываетъ, какъ въ предѣлахъ его прихода живущіе лютеране по собственной инціативѣ собрали подписи подъ протестомъ предъ Главой Государства, и какъ въ другомъ мѣстѣ лютеране говорили ему, что они пойдутъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать Соборъ, если вздумаютъ его разрушать. Такіе факты, къ сожалѣнію, не попадаютъ въ эстонскую печать, которая вся враждебна православію и создала единый фронтъ противъ Александро-Невскаго Собора. Присоединяю въ переводѣ съ эстонскаго протестъ Ильмярвскаго (Ilmjärw) православнаго прихода, заимствованный изъ печатнаго годового отчета за 1928 г. Протестъ этотъ имѣетъ церковно-историческое значеніе и заслуживаетъ того, чтобы онъ сдѣлался извѣстнымъ болѣе широкимъ кругамъ и заграницей. Это—протестъ 1) *чисто эстонскаго* притомъ *сельскаго* прихода (Юрьевскаго уѣзда), 2) отражаетъ вполнѣ вѣрно настроеніе народа эстонскаго въ его массѣ, въ низахъ, и 3) даетъ вмѣстѣ информацію и о положеніи Православной Церкви въ Эстоніи. Здѣсь вмѣстѣ и блестящая отповѣдь той лжи, которую распространяютъ заграницей про русское время, русскихъ помѣщиковъ и пр. Айно Калласъ и ей подобныя лица, пользуясь иногда своимъ высокимъ положеніемъ [1]. Главѣ Государства и Предсѣдателю Государственнаго Собранія отъ Совѣта Ильмярвской православной церкви—протестъ.

Уже непосредственно послѣ освободительной

---

1) Жена эстонскаго представителя въ Лондонѣ, родомъ финка, спеціализировавшаяся на клеветахъ противъ русскихъ. Разъясненія относительно этой госпожи и ея руссофобскихъ выходокъ даны однимъ русскимъ профессоромъ въ „The Church Times" за 25 апрѣля 1924 г. и—болѣе полно—въ Бѣлградскомъ журналѣ „Наше Будущее" № 9 за октябрь 1924 г.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ VI-й. 10 марта, 1929 года. № 10.

О Судѣ.

„Судъ безъ милости не сотворшему милости“ (Соб. посл. Іакова гл. 2, ст. 13).

Судъ земной, карая преступника, однако даетъ ему право апеллировать къ высшей судебной инстанціи, правосудіе же небесное тѣмъ будетъ разниться отъ суда земного, что тамъ, на Божіемъ послѣднемъ судищѣ уже не будетъ никого, къ кому бы преступникъ, осужденный смогъ обжаловать приговоръ суда Божественнаго. Судъ Божій будетъ не обыкновенный судъ. Тамъ, „на облацѣхъ“, онъ произойдетъ безъ присяжныхъ засѣдателей и безъ адвокатовъ. Одинъ Богъ, — Онъ всевѣдущій—Самъ будетъ свидѣтелемъ, Онъ же и всеправеднымъ будетъ и окончательнымъ Судіею. А зрителями суда Его страшнаго будутъ всѣ святые ангелы—вся слава небесная, на которой, какъ на престолѣ, возсѣдать будетъ „Сѣдящій на херувимѣхъ и Судящій всей вселенной“.

Соберутся на судъ этотъ предъ Нимъ всѣ народы земные. Тогда Онъ отдѣлитъ однихъ отъ другихъ—добрыхъ отъ злыхъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ; овечекъ поставитъ Онъ направо, а козлищъ—налѣво...

Разгнутся книги Божіихъ судебъ, и вписанное въ нихъ отвѣка рукой Создателя узрится совѣстью каждаго подсудимаго.

Единственнымъ мѣриломъ тогда для опредѣленія степени праведности или глубины паденія судимыхъ—будетъ милость.

Всѣмъ милосерднымъ по суду дано будетъ въ награду благословенное царство Божіе, уготованное отъ сложенія міра, каждому же не творящему милости — и судъ будетъ страшный — безъ всякой милости: огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.

Тамъ только единственная добродѣтель, которая получитъ право награды—будетъ любовь и единственное зло, которое навѣки покарается—будетъ немилосердіе. Всѣ же прочія добродѣтели и всѣ остальные грѣхи человѣческіе какъ бы скроются за этой основной добродѣтелью или за этимъ основнымъ преступленіемъ. И милосердные будутъ названы благословенными, и всѣ жестокіе—назовутся проклятыми.

Какъ благословенные милостивцы, привыкшіе въ своей земной жизни къ дѣламъ милосердія настолько, что эти ихъ добрыя дѣла будутъ составлять ихъ второе „я“, такъ и проклятые грѣшники, закоренѣвшіе въ своей преступности и изъ-за нея потерявшіе чуткость къ добродѣтели, — всѣ люди будутъ съ удивленіемъ спрашивать тогда Господа: „Когда же, Господи, мы видѣли Тебя алчущимъ, или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или заключеннымъ въ темницѣ, чтобы мы смогли послужить Тебѣ?“

Извѣстенъ изъ Евангелія отвѣтъ всѣмъ намъ! Къ праведнымъ Господь скажетъ: „Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ— Мнѣ сотвористе“, а къ грѣшнымъ отвѣтитъ: „Понеже не сотворите единому сихъ меньшихъ, — ни Мнѣ сотвористе“. Извѣстно, также, слѣдствіе страшнаго Суда: „и идутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ животъ вѣчный“...

Праведный Судъ Божій—„судъ безъ милости не творящему милости“. А пока—мы живемъ еще въ такихъ обстоятельствахъ, когда долготерпѣніемъ Божіимъ представляются намъ всѣ возможности къ творенію дѣлъ милосердія.

Къ намъ въ наученіе сказано: „Помни послѣдняя твоя—и во вѣкъ не согрѣшиши“.

Но такъ какъ мы постоянно забываемъ о послѣдней минутѣ въ нашей жизни земной, той минутѣ, которая, быть-можетъ, уже не за горами, то пойдемъ и сотворимъ „меньшей братіи милость съ ними, чтобы нѣкогда на чашки вѣсовъ правосудія Божія кинуть хоть какое-нибудь свое дѣло милосердія,—хоть „стаканъ студеной воды“, утолившій распаленную жажду путника, хоть корку хлѣба, успокоившую голодъ нищаго...

„Блаженни милостивые, ибо они только помилованы будутъ“, и наоборотъ — „судъ безъ милости не сотворившему милости“.

ГРАФЪ Ю. П. ГРАББЕ.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.*)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всякій яркій талантливый мыслитель, на ряду съ признаніемъ своихъ достоинствъ, вызываетъ и возраженія, особенно если его мысли и постановка вопросовъ сколько нибудь новы. Естественно, что этой участи не избѣгъ и Хомяковъ, заговорившій о богословскихъ вопросахъ совсѣмъ не тѣмъ языкомъ, какой принятъ былъ до него въ русской богословской литературѣ. Онъ писалъ съ дотолѣ непривычной свободой и смѣлостью, соединенными, однако, съ православнымъ смиренномудріемъ.

Уже при жизни Хомякова, на ряду съ людьми, ставившими его сочиненія наравнѣ съ твореніями учителей Церкви,42) были и такіе богословы, которые относились къ его трудамъ съ недовѣріемъ, подозрительностью, непониманіемъ. Блестящій трактатъ Хомякова о Церкви, читанный имъ Митрополиту Филарету, хотя и вызвалъ одобрительный отзывъ, былъ признанъ почему-то „неудобнымъ къ тисненію". Впрочемъ, позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ, богословскія сочиненія Хомякова съ 1863 года стали печататься въ „Православномъ Обозрѣніи" съ благословенія того же авторитетнаго іерарха.

Издатели второго тома Полнаго Собранія Сочиненій (изд. 1886 г.) были должны, по требованію духовной цензуры, напомнить читателямъ, что „неопредѣленность и неточность встрѣчающихся въ нихъ выраженій произошли отъ неполученія авторами (вѣроятно, тутъ кромѣ Хомякова имѣется въ виду авторъ предисловія Ю. Ф. Самаринъ) спеціально богословскаго образованія".

Непониманіе встрѣтили сочиненія Хомякова и со стороны извѣстнаго богослова, ректора Московской Дух. Академіи, прот. Горскаго. Будучи человѣкомъ очень достойнымъ и ученымъ, Горскій, однако, былъ, во первыхъ, не столько богословъ, сколько историкъ, а, во вторыхъ, былъ лишенъ всякой широты въ своихъ богословскихъ воззрѣніяхъ. При всѣхъ своихъ личныхъ достоинствахъ, онъ не выходилъ изъ предѣловъ схоластическаго богословія. Вслѣдствіе этого, ему были просто непонятны сочиненія Хомякова, не подходившія ни подъ одну мѣрку, отличавшіяся такимъ своеобразіемъ. Онъ не могъ вникнуть въ особенности творчества и самаго языка Хомякова. Но онъ чувствовалъ его значительность, видѣлъ его силу и потому внимательно изучалъ его сочиненія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ его архивѣ замѣтки съ критикой преимущественно „Опыта катехизическаго изложенія ученія о Церкви". Замѣтки эти въ общемъ довольно мелочнаго характера. Горскій критикуетъ „Опытъ" какъ будто это учебникъ, а не трудъ о самой глубинѣ православнаго ученія. Отсюда и упреки Хомякову въ томъ, что онъ слишкомъ мало пишетъ о Церкви, какъ организованномъ обществѣ. Но Горскій, вопреки своему другу проф. Казанскому, находилъ у Хомякова лишь частныя ошибки, не обвиняя его ни въ какой ереси. „Нѣтъ сомнѣнія,—писалъ онъ,—что глубокимъ воззрѣніемъ на предметы христіанской вѣры онъ обязанъ весьма обширному, продолжительному и добросовѣстному изученію слова Божія и писаній отеческихъ и не только этому, но и внутреннему практическому усвоенію истины Христовой сердцемъ и жизнію" 43).

Вступленіе къ самой критикѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что замѣтки были писаны Горскимъ не только для себя, но, вѣроятно, съ цѣлью впослѣдствіи ихъ напечатать. Однако, несмотря на поощренія Казанскаго, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и, повидимому, именно послѣ того, что ознакомился съ остальными сочиненіями Хомякова. „Прочиталъ я книгу его,—писалъ онъ Казанскому, — мнѣ не представилось, чтобы Хомяковъ хотѣлъ быть провозвѣстникомъ какой нибудь философской теоріи подъ личиною христіанства. Это не высказывается ни въ опубликованныхъ имъ статьяхъ, ни въ письмахъ интимныхъ по смерти его изданныхъ"...44)

Но съ теченіемъ времени вліяніе сочиненій Хомякова все увеличивалось и большая авторитетность ихъ стала, можно сказать, общепризнанной. Вотъ почему на него теперь ссылаются не только богословы одного съ нимъ духа, но (конечно, искажая его мысли) и писатели, направленіе которыхъ не имѣетъ съ Хомяковымъ ничего общаго. Это послѣднее обстоятельство служитъ проф. о. Павлу Флоренскому основаніемъ, чтобы назвать плоды ученія Хомякова „двойственными". „Мы видѣли, — пишетъ онъ, — что русская богословская мысль, въ лицѣ наиболѣе талантливыхъ своихъ представителей, приняла, такъ или иначе, ученіе Хомякова, что все свѣжее въ богословіи, такъ или иначе, преломляетъ Хомяковскія идеи. Одни только имена Митрополита Петроградскаго Антонія и Архіепископовъ Антонія и Сергія 45), имена ставшія лозунгомъ обширныхъ теченій русской богословской мысли, были бы достаточны для подтвержденія высказаннаго. Это такъ. Но приняла съ другой стороны эти идеи и положила въ основу свою и та мысль, о церковности которой свидѣльствовать нѣтъ основаній" 46). Далѣе Флоренскій, весьма придирчиво, можно сказать, подозрительно, разбирая нѣкоторые пункты ученія Хомякова, старается доказать, что онъ, подъ вліяніемъ протестантовъ, не только допустилъ весьма серьезныя ошибки, но и вводилъ понятія „опасныя". Не знаю, стремленіемъ ли лишній разъ уязвить и безъ того положеннаго имъ на лопатки Завитневича, или собственной непріязнью

---

*) См. „Воскресное Чтеніе" №№ 5—8.

42) Проф. Н. П. Барсовъ въ „Христіанскомъ Чтеніи" даже говорилъ объ „отеческихъ" и „апостольскихъ" чертахъ богословскихъ сочиненій Хомякова, сравнивая ихъ съ твореніями св. Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго (Л. П. Карсавинъ. Предисл. къ „О Церкви" А. С. Хомякова, стр. 18).

43) Изъ архива А. В. Горскаго. „Богосл. Вѣстникъ", 1900, XI, стр. 521.

44) Тамъ-же, стр. 519.

45) Нынѣ Митрополиты—первый Кіевскій, а второй Нижегородскій.

46) Критика. „Богословскій Вѣстникъ" № 7—8, 1916 г. стр. 527.

къ чуждому его вовсе не православной софіанской мистикѣ Хомякову, объяснить придирки (иначе затрудняюсь назвать ихъ) Флоренскаго. Собственно говоря, онѣ настолько неосновательны, что на нихъ не стоило бы и останавливаться, если бы не то, что, отвѣчая на нихъ, можно пояснить нѣкоторыя мысли Хомякова, ложно перетолковываемыя тѣми, кто подходитъ къ нимъ со схоластической мѣркой или съ точки зрѣнія земныхъ правовыхъ понятій. Кромѣ того, я, какъ правнукъ и почитатель А. С. Хомякова, не считаю себя въ правѣ оставлять безъ возраженій несправедливыя заподазриванія его православности[47]).

Флоренскій начинаетъ высказывать свои подозрѣнія съ „впечатлѣнія", что теоріи Хомякова содержатъ въ себѣ „привкусъ" имманентизма. Въ то время какъ для человѣка церковнаго Церковь высказываетъ истину, ибо „такъ изволися Духу Святому" и ей — открыть ей, независимую отъ нея, въ Богѣ сущую Истину, — Хомяковская теорія Церкви оставляетъ впечатлѣніе, что постановленія Церкви были не открытіемъ Истины, а сочиненіемъ ея,—какъ если бы Истина была имманентна человѣческому разуму, хотя бы и соборне взятому, а не трансцендентна ему и изъ своей трансцендентности открывающаяся ему"[48]). Конечно, трудно возражать, когда рѣчь идетъ о бездоказательныхъ впечатлѣніяхъ. Но должно отмѣтить, что Флоренскій тутъ очень неправъ. Истина не есть нѣчто внѣшнее для Церкви, — вѣдь не напрасно же Она Тѣло Христово, имѣющее Его, Источника всякой Истины, своею Главою. Это дѣлаетъ ее организмомъ не просто человѣческимъ, а Богочеловѣческимъ. Поэтому, говоря о догматическихъ постановленіяхъ Церкви, не умѣстно разсуждать о трансцендентности или имманентности Истины человѣческому разуму. Ему истина, конечно, транцендентна, но всей Церкви — нѣтъ, ибо она имѣетъ Главою Того, Кто сказалъ: „Азъ есмь путь, истина и животъ" (Іоан. 14, 6). А вѣдь Хомяковъ, говоря объ обладаніи Церкви Истиной, имѣлъ въ виду не только земную Церковь, состоящую изъ грѣшныхъ людей съ помраченнымъ вслѣдствіе этого разумомъ, но всю Церковь. Въ словѣ вся подразумѣвается кромѣ земной Церкви еще и Церковь торжествующая и ихъ общій Божественный Глава Христосъ. Вслѣдствіе этого возглавленія, ученіе Христово, т. е. Истина, стала собственностью Церкви, раскрывающей это ученіе своимъ чадамъ, и ничего другого не „сочиняющей".

Живая вѣра Хомякова въ единство Церкви съ ея Главою должна быть принята во вниманіе и для того, чтобы понять его ученіе объ авторитетѣ.

По воспріятію Хомякова, авторитетъ есть нѣч о внѣшнее, съ чѣмъ нѣтъ свободнаго духовнаго единства. Вотъ почему онъ говоритъ, что въ Православіи не авторитетъ Церковь, не авторитетъ Христосъ. Дѣйствительно, для тѣхъ, кто какъ Хомяковъ подлинно живетъ въ Церкви, они болѣе чѣмъ авторитетъ. Вѣдь подчиненіе авторитету совсѣмъ не подразумѣваетъ живое, свободное и полное единомысліе; ему подчиняются не по согласію съ нимъ, а часто несмотря на внутреннее ему противорѣчіе. Наоборотъ, для сына Церкви Ея ученіе должно быть настолько роднымъ, что ему и въ голову не могла придти чуждая Церкви мысль. Вотъ это и есть то свободное единомысліе, которое въ Православіи Хомяковъ противопоставляетъ внѣшнему, покоящемуся на авторитетѣ Папы, единству католиковъ. Въ Православіи есть пастыри, учители, — авторитетъ же существуетъ лишь въ представленіи тѣхъ, кто подходитъ къ Православной Церкви съ чуждыми ей понятіями. Спрашивается, что же опаснаго въ Хомяковскомъ ученіи, если принимать его не въ искаженномъ видѣ? Отрицаніе авторитета у него не имѣетъ ничего общаго съ какимъ бы то ни было „утонченнымъ анархизмомъ". Разница между нимъ и защитниками авторитета в томъ, что его требованіе выше, ибо внѣшнее подчиненіе „авторитету" Церкви не можетъ удовлетворить того, кто хочетъ, чтобы всѣ сыны Церкви подлинно жили въ ней.

Въ близкой связи съ ученіемъ объ авторитетѣ находится и ученіе Хомякова о Вселенскихъ Соборахъ, которое встрѣчаетъ возраженія не у одного Флоренскаго. Проф. Суботицкаго Унив. С. В. Троицкій тоже усматриваетъ тутъ у Хомякова протестантскій духъ,[49]) а Флоренскій обвиняетъ его въ томъ, что онъ скрытно проводитъ ученіе о суверенитетѣ народа въ Церкви. Но и въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто недоразумѣніе, вытекающее изъ привычки смотрѣть на церковный строй черезъ призму юридическихъ понятій.

Хомяковъ утверждаетъ, что въ Церкви на землѣ нѣтъ органа, который былъ бы по положенію своему непогрѣшимъ въ вопросахъ вѣры. Дѣйствительно, если соберутся представители всѣхъ Помѣстныхъ Церквей, тотъ же проф. Троицкій приметъ ли ихъ догматическія постановленія только на основаніи внѣшнихъ признаковъ Вселенскаго Собора? Не будетъ ли онъ самостоятельно допытываться, насколько православны соборныя постановленія? Такъ на жизненномъ примѣрѣ мы видимъ, что нѣтъ на землѣ установленія, которое признавалось бы нами непогрѣшимымъ по положенію, что самый обширный Соборъ не сразу получаетъ все значеніе Вселенскаго. Онъ получаетъ его лишь послѣ принятія всею Церковію. — А гдѣ вся Церковь? Она тамъ, гдѣ есть подлинное, не ложное единство со Христомъ, тамъ, гдѣ единомысліе съ апостольскимъ преданіемъ, съ преждебывшими Вселенскими Соборами, хотя бы это было меньшинство людей, именующихъ себя православными. Церковь непогрѣшима, потому что непогрѣшимъ всесовершенный Глава ея Христосъ. И никто не можетъ освободить христіанина отъ необходимости самому для себя рѣшить, гдѣ соблюдено единеніе съ Нимъ, — каковъ данный Соборъ — Вселенскій или еретическій.

---

47) У нѣкоторыхъ читателей можетъ возникнуть вопросъ, почему я останавливаюсь на критикѣ Флоренскаго, такъ бѣгло коснувшись замѣтокъ прот. Горскаго. Это потому, что Горскій самъ, повидимому, чувствовалъ недостаточную убѣдительность своихъ замѣтокъ, ибо писалъ о нихъ проф. Казанскому: „Что же за польза въ такомъ видѣ печатать? Не будетъ ли это показывать, что защитники Православія не въ состояніи сказать что-либо поважнѣе противъ мудрости Хомякова" („Богосл. Вѣстн." 1900, XI, 519)? Кромѣ того, наиболѣе, серьезныя возраженія Горскаго (о Всел. Соборахъ, іерархичности) встрѣчаются и у Флоренскаго, который при томъ ставитъ вопросы гораздо острѣе.

48) Критика, стр. 536.

49) Статья „Чему насъ уче канони I Васельенског Сабора". „Хриштански Живот", 1925 г. Май, № 5, стр. 227 и 229—230.

Никакихъ внѣшнихъ правовыхъ признаковъ для опредѣленія истины намъ не дано, на всѣхъ насъ Богомъ возлагается подвигъ нахожденія истиннаго пути. Это не значитъ, что мы остаемся совсѣмъ безъ внѣшнихъ признаковъ распознанія истины. Намъ данъ достаточно ясный критерій, который былъ мною указанъ въ опредѣленіи того, гдѣ вся Церковь. Но этотъ критерій доступенъ лишь тому, кто не отрѣшилъ себя отъ церковнаго союза любви. Безъ помощи Божественной благодати невозможно познаніе истины, для воспріятія же этой благодати мы должны быть объединены любовью другъ ко другу и къ Богу. „Непогрѣшимость въ догматѣ, т. е. познаніе истины,— пишетъ Хомяковъ, — имѣетъ основаніемъ въ Церкви святость взаимной любви, во Христѣ [50]). Безъ этой взаимной любви человѣкъ выдѣляется изъ Церкви, лишается ея благодатныхъ даровъ [51]) и становится на путь приводящій къ заблужденіямъ. По слову блаж. Ѳеофилакта, „кто говоритъ, что онъ любитъ Бога, между тѣмъ ненавидитъ брата, тотъ находится въ постоянной тьмѣ, у того разумныя очи всегда помрачены, потому что онъ утратилъ свѣтъ общенія съ Богомъ и съ братомъ. Онъ не знаетъ уже и того, что для него самаго можетъ быть полезно" [52]).

Не добросовѣстно со стороны Флоренскаго писать, что „ни откуда не видно, чтобы благодать Божія имѣла у Хомякова значеніе существенное жизненное, а не декоративное, ибо для Хомяковской Церкви достаточенъ consensus omnium in amore, и этотъ consensus самъ собою даетъ познаніе истины" [53]). Наоборотъ, ниоткуда не видно (и Флоренскій благоразумно не приводитъ доказательствъ), чтобы Хомяковъ умалялъ значеніе благодати. Въ § 10 трактата о Церкви онъ говоритъ о ней именно какъ имѣющей очень „существенное и жизненное значеніе": „Все творитъ благодать. Покоряешься ли ей, въ тебѣ совершается Господь и совершаетъ тебя; но не гордись своей покорностью, и покорность твоя отъ благодати" [54]). Что же касается общаго согласія въ любви, то оно, по Хомякову, есть путь къ познанію истины. Лишь при наличіи его воспринимается Божественная благодать уразумѣнія Христова ученія. „Взаимная любовь, даръ благодати, есть то око, которымъ каждый христіанинъ зритъ Божественные предметы, и это око никогда не смыкалось съ самаго того дня, когда огненные языки снизошли на главы апостоловъ; оно и не сомкнется никогда дотолѣ, пока Верховный Судія сойдетъ и потребуетъ отчета у человѣчества въ истинѣ, которую Онъ далъ ему, запечатлѣвъ ее Своею кровію. Доля духовнаго ясновидѣнія, даруемаго въ мѣру каждому христіанину, находитъ свою полноту въ органическомъ единеніи всѣхъ и ни въ чемъ иномъ" [55]).

50) Полн. Собр. Соч. Т. II. стр. 107. Ср. I Іоан. 4, 7—8.

51) Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „Итакъ, если хотимъ получить Духа отъ Главы, будемъ въ союзѣ другъ съ другомъ. Есть два рода отдѣленія отъ Церкви: одинъ, когда мы охладѣваемъ въ любви, а другой, когда осмѣливаемся совершить что-нибудь недостойное въ отношеніи къ сему тѣлу" (т. е. Церкви). На Ефес. бес. XI, 4, стр. 101—102.

52) Толк. на Соб. Посл., Казань, 1865, стр. 167.

53) Критика, стр. 537.

54) Полн. Собр. Соч. Т. II, стр. 25.

55) Полн. Собр. Соч. Хомякова, Т. II. стр. 199.

Не только въ вопросѣ принятія догматовъ, но и въ отношеніи руководства церковной жизнью Хомяковъ былъ далекъ отъ приписываемой ему идеи о суверенитетѣ народа. Наоборотъ, Хомяковъ очень высоко ставилъ епископство и вообще іерархическій строй. Вотъ его собственныя слова: „Не вы Меня избрали, но Я васъ избралъ", сказалъ Спаситель Своимъ ученикамъ; а Духъ Божій устами Апостола говоритъ: „Благословляемый отъ большаго благословляется". Такъ всегда учила Церковь о своемъ устройствѣ. Не отъ несовершенства она исходитъ, чтобы взойти къ совершенству; нѣтъ, ея исходъ—совершенство и всемогущество, возводящія къ себѣ несовершенство и немощь... Поэтому то полнота церковныхъ правъ, которую вручилъ Христосъ Своимъ апостоламъ, и пребываетъ всегда на вершинѣ іерархіи; ею благословляются низшія степени и ею блюдется законъ, проявленный съ перваго установленія Церкви... Упразднить епископство — дѣло невозможное, ибо оно есть полнота церковныхъ правъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ... Епископъ и священникъ не служители частной общины, а служители Христа во вселенской общинѣ, черезъ нихъ примыкаетъ Церковь земная, въ нисхожденіи вѣковъ, къ своему Божественному Основателю и черезъ нихъ чувствуетъ она себя постоянно восходящей къ Тому, Чья рука поставила Апостоловъ. Вспомнимъ при этомъ, что на языкѣ христіанскомъ восходить значитъ быть возводимымъ къ верху... Таково основаніе, почему Церковь признаетъ рѣшеніе Епископовъ въ дѣлахъ благочинія, почему даетъ имъ право и честь объявлять ея догматическія рѣшенія, впрочемъ, оставляя за собой право судить о томъ, вѣрно ли засвидѣтельствованы ея вѣра и ея преданіе; [56]) почему, наконецъ, на Епископовъ по преимуществу возлагаетъ она служеніе слова Божія и обязанность поучать слову, хотя Церковь никого изъ своихъ членовъ не лишаетъ этого высокаго права, дарованнаго Духомъ Божіимъ всѣмъ христіанамъ" [57]).

И вотъ несмотря на такую ясность воззрѣній Хомякова на іерархическій строй Церкви, находятся люди, которые ссылаются на него въ своемъ лжеученіи о народѣ, какъ „крайнемъ судіи" въ Церкви. Но справедливо ли въ ихъ заблужденіяхъ винить Хомякова? Вѣдь, тѣ же люди нерѣдко ссылаются и на Св. Кипріана Карфагенскаго, и однако никто не скажетъ, что сей св. отецъ подрывалъ основы церковнаго строя [58]).

56) Ср. „Но народъ (т. е. не вся Церковь, а міряне земной Церкви. Ю. Г.) не имѣлъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, общецерковнаго благочинія, догматическаго ученія, церковнаго управленія" (П. Собр. Соч. Т. II, стр. 36). Для каноническихъ постановленій, относящихся къ благочинію, нигдѣ никакой рѣчи о „рецепціи" у Хомякова нѣтъ. Гдѣ же суверенитетъ народа?

57) П. Соб. Соч. стр. 139—140.

58) Св. Кипріанъ Карф. очень высоко ставитъ власть епископовъ (См. Твор. изд. Кіевск. Д. Акад., 1891 г., Т. I, стр. 107, 110—111, 267 и т. д.), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своемъ собственномъ пастырскомъ служеніи „положилъ за правило ничего не дѣлать по одному моему усмотрѣнію безъ совѣта вашего (пресвитеровъ) и согласія народа" (Тамъ же, стр. 173). Но этимъ нисколько не подрывается принципіальное ученіе о „епископской власти, тѣмъ болѣе, что, когда это было нужно, Св. Кипріанъ „силою вынуждалъ" народъ дѣлать то, что находилъ справедливымъ (Тамъ же, стр. 267).

Совершенно предвзятый характеръ носитъ заподазриваніе Флоренскимъ въ неправославности ученія Хомякова объ Евхаристіи. Онъ придрался къ тому, что Хомяковъ съ осторожностью относится къ термину „пресуществленіе", и на этомъ основаніи на нѣсколькихъ страницахъ блещетъ своей эрудиціей, чтобы показать, что у Хомякова тутъ протестантскій уклонъ. Однако, самъ же Флоренскій пишетъ: „Всѣ тѣ опасности, на которыя указываютъ противники термина „пресуществленія", Церковью были предусмотрѣны, оговорены и классифицированы" (Критика, стр. 536). Итакъ, опасности все же есть. Видимо, именно сознаніе возможности ихъ, а именно въ подходѣ къ таинству „съ вопросами атомистической химіи", заставляло Хомякова не бороться съ терминомъ „пресуществленіе", какъ безъ достаточныхъ основаній приписываетъ ему это Флоренскій, а считать его только *допустимымъ*, предпочитая пользоваться принятымъ въ литургіи словомъ „преложеніе" [59]). Можно, конечно, спорить, можно доказывать, что терминъ „пресуществленіе" безопасенъ и цѣненъ въ полемикѣ съ протестантами, но отсюда еще очень далеко до справедливости упрека Хомякову въ уклоненіи въ протестантизмъ, хотя такое представленіе дѣйствительно можетъ составиться у читателя Критики, если онъ не знакомъ съ сочиненіями самого Хомякова. Ибо Флоренскій, приводя слова его о пресуществленіи, не привелъ предыдущей фразы: „О таинствѣ Евхаристіи учитъ Святая Церковь, что въ немъ совершается воистину преложеніе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову". Православность ученія Хомякова о Евхаристіи еще подчеркивается и послѣдующимъ, замолчаннымъ Флоренскимъ изложеніемъ, кстати опровергающимъ и обвиненіе въ томъ, что у Хомякова „эмоціональное ударение падаетъ на слово вѣра въ таинство, а не на само таинство, какъ предметъ вѣры" [60]). „Преложеніе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы совершается въ Церкви и для Церкви. Принимаешь ли ты освященные дары, или поклоняешься имъ, или думаешь о нихъ съ вѣрою, — ты дѣйствительно принимаешь Тѣло и Кровь Христовы и поклоняешься имъ и думаешь о нихъ. Принимаешь ли недостойно— ты дѣйствительно отвергаешь Тѣло и Кровь Христовы; во всякомъ случаѣ, въ вѣрѣ или невѣріи, ты освящаешься или осуждаешься Тѣломъ и Кровію Христовою" [61]). Спрашивается, гдѣ же тутъ прагматизмъ, гдѣ протестантскій духъ?

Флоренскій не ограничивается заподазриваніемъ православности ученія Хомякова по разобраннымъ основнымъ вопросамъ. Онъ еще старается доказать, что полемика Хомякова съ католиками и слаба и содержитъ въ себѣ какія то опасныя для церковности мысли. Флоренскій нападаетъ на сравненіе непогрѣшимости Папы — непогрѣшимости независимой отъ нравственнаго совершенства—съ прорицаніемъ оракула Даръ такой непогрѣшимости, по мнѣнію Флоренскаго, говоря отвлеченно, въ принципѣ, возможенъ, разъ признается независимымъ отъ нравственнаго совершенства даръ совершать таинства. Тутъ самъ Флоренскій кореннымъ образомъ расходится съ ученіемъ Святыхъ Отцовъ. Хомяковъ въ полномъ согласіи съ ними ставитъ способность разумѣнія въ зависимость отъ нравственнаго совершенства. Флоренскій забываетъ, что дары благодати, получаемыя священниками, двоякаго рода. Одни относятся къ совершенію Св. Таинствъ, другія къ выполненію пастырскаго служенія. Для совершенія таинства природныя способности и нравственное совершенство не имѣютъ значенія. Ибо Господь, по словамъ Св. Іоанна Златоуста, „ниспошлетъ Духа Святаго, — хотя бы и крайне порочны были священники. Вѣдь и чистый (священникъ) не своею собственной чистотою привлекаетъ Духа Святаго; но все совершаетъ благодать... здѣсь все устрояетъ Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, а священникъ только ссужаетъ свой языкъ и простираетъ свою руку" [62]). Поэтому, кто бы и гдѣ бы ни совершалъ таинства, если онъ имѣетъ на это право, они всегда одинаковы. Зато поученіе слову у каждаго пастыря различной силы такъ же, какъ неодинакова ихъ любовь къ пасомымъ. Это потому, что благодать разумѣнія слова Божія или, напр., благодать сострадательной любви другого рода, чѣмъ благодать священнодѣйствія. Степень ея дѣйствія зависитъ и отъ природныхъ свойствъ и отъ нравственнаго совершенства. „Духъ Святый, — пишетъ Св. Максимъ Исповѣдникъ,—даетъ святымъ мудрость не безъ пріемлющей силы разума... Даръ Духа Святаго не уничтожаетъ естественной силы, напротивъ возводитъ естественную силу до сверхъестественнаго употребленія, когда ведетъ ее къ созерцанію Бога" [63])... Но пріемлющая сила разума, кромѣ природныхъ способностей, находится въ ближайшей зависимости отъ нравственнаго совершенства. Не случайно истины вѣры изъяснены не людьми средней нравственности, а Святыми Апостолами и Святыми Отцами. Если бы было иначе, то всѣ Епископы были бы одинаково просвѣщены церковною мудростью съ Апостолами, благодать которыхъ преемственно принимаютъ при рукоположеніи. Поэтому, Хомяковъ совершенно правъ, когда пишетъ, что облеченное непогрѣшимостью папство не можетъ быть приравнено ни къ одной издревле извѣстной Церкви степени священства. Флоренскій, видимо, невни-

---

59) Въ отношеніи возможности перетолкованія слова „пресуществленіе", интересно то, что въ 1904 г. писалъ Кирѣеву старо католическій епископъ J. J. Von Thiel: „Если подъ этимъ словомъ подразумѣвается, что въ Евхаристіи подъ обычной внѣшностью хлѣба и вина имѣется Тѣло и Кровь І. Х. въ ихъ природномъ и плотскомъ существѣ, то конечно мы не исповѣдуемъ это ученіе, отвергаемъ этотъ грубый смыслъ, возвѣщаемый въ Catechismus Romanus, который принятъ и въ современной римско-католической Церкви... Слово пресуществленіе отсутствуетъ въ нашемъ катехизисѣ, но тѣмъ не менѣе имъ у насъ постоянно пользовались. Однако, теперь отъ этого все болѣе воздерживаются, ибо, повидимому, къ нему пришли не правильнымъ философскимъ путемъ, но главнымъ образомъ, потому, что обычно подразумѣвается этотъ грубый и плотской смыслъ" (M-me Olga Novikoff, née Kiréeff. Le General Alexandre Kiréeff et l'ancien catholicisme, Berne, 1914, стр. 354-355).

60) Далѣе Флоренскій пишетъ: „Хомяковъ хочетъ поставить вопросъ догматическій на почву прагматическую, если выразиться по современному, т. е. такъ, чтобы было исключено понятіе о Св. Евхаристіи самой по себѣ, и осталось лишь понятіе воспріятія ея, поклоненія ей, благоговѣйнаго размышленія о ней" (Критика, стр. 540).

---

61) Полн. Собр. Соч. Т. II, стр. 14.

62) Толк на ев. Іоан., изд. СПБ Д. Ак. 1902 г., Кн. 2, стр. 591.

63) Томъ I, Объясненіе молитвы „Отче нашъ", стр. 354.

мательно прочелъ разсужденія Хомякова и „добавляетъ“ замѣчаніе, что католики и разсматриваютъ степень Папы „не какъ третью, а какъ четвертую, совсѣмъ отличную отъ степени Епископа, такъ что Папа признается единственнымъ представителемъ своей степени. Слѣдовательно, дѣло не въ нелѣпости (не только въ нелѣпости, сказалъ бы я. Ю. Г.) притязаемаго дара непогрѣшимости, а въ несуществованіи четвертой степени священства“ 64). Но именно съ этой стороны Хомяковъ и наноситъ сильнѣйшій ударъ папизму: „Протестантство измѣнило благочинію, установленному Духомъ Божіимъ. Оно дало низшему право благословлять высшаго; но въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, починъ былъ сдѣланъ, примѣръ былъ поданъ Романизмомъ. Всѣ Епископы равны между собою, каково бы ни было различіе ихъ епархій по пространству и значенію. Ихъ юрисдикціи и ихъ почетныя отличія разнообразны (какъ показываютъ титулы Митрополитовъ и Патріарховъ), но ихъ церковныя права одинаковы. Не то въ отношеніяхъ Епископовъ къ Папѣ. Предполагаемое преимущество непогрѣшимости не есть почетное отличіе, ни расширеніе юрисдикціи; вообще оно выходитъ изъ области условныхъ отношеній, это отличіе существенное и таинственное, то есть имѣющее свойство таинства. Названіе Епископа столь же мало приличествуетъ Папѣ, какъ названіе священника Епископу, и когда Епископы посвящаютъ Папу, они поступаютъ столь же незаконно, какъ незаконно поступили бы священники, когда бы стали посвящать Епископа, или міряне, когда бы вздумали посвящать священника. Низшіе благословляютъ высшаго — порядокъ церковный извращенъ, протестанты вполнѣ оправданы. Таково свойство всякаго заблужденія: оно само въ себѣ носитъ зародышъ самоубійства. Жизненность и логическая послѣдовательность принадлежатъ только истинѣ“ 65).

Итакъ, подозрѣнія и возраженія Флоренскаго совершенно не основательны, но тотъ фактъ, что столь придирчивое отношеніе къ Хомякову проявлено именно имъ, весьма показателенъ. Вѣдь, Флоренскій представитель вполнѣ опредѣленнаго направленія, того направленія, которое теперь получило названіе софіанскаго и внѣдряется въ умы при посредствѣ т. н. братства Св. Софіи 66). Послѣдователями Вл. Соловьева и Флоренскаго гностическое богословское направленіе доводится до Геркулесовыхъ столбовъ, но уже и Флоренскій, очевидно, чувствовалъ, какая пропасть между его мистическимъ софіанствомъ и трезвеннымъ мудрованіемъ Хомякова. Вѣдь, всякому безпристрастному читателю Хомякова не можетъ не быть яснымъ, что будь онъ живъ, онъ былъ бы не съ ними, хотя бы уже потому, что ему была совершенно чужда свойственная софіанцамъ неудовлетворенность ученіемъ Церкви. Нѣтъ такого догмата, который онъ признавалъ бы недоразвитымъ, хотя теоретически и допускалъ возможность новыхъ общецерковныхъ догматическихъ постановленій, конечно, находящихся въ полномъ согласіи съ исконнымъ ученіемъ Церкви. Онъ выросъ въ Церкви и всѣ вопросы вѣры рѣшались для него ею настолько исчерпывающе, насколько возможно воспринять человѣческому умy. Софіанцы, наоборотъ, по большей части, выросли внѣ Церкви и подошли къ ней уже въ зрѣломъ возрастѣ разсудочнымъ путемъ. Они, вѣроятно, никогда вполнѣ не входили въ нее, а подойдя къ ней, но, увлекшись философствованіемъ, опять стали отъ нея удаляться по слову апостола: „Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ“ (1 Іоан. 2, 19). „Изыдоша,—толкуетъ бл. Ѳеофилактъ,—т. е. хотя были учениками, но отстали отъ истины и выдумали собственныя хулы“ (Толк., стр. 174). Это потому, что ихъ міросозерцаніе сформировалось не на основаніи только ученія Церкви, но и подъ гностическимъ вліяніемъ философовъ розенкрейцеровъ 67). Нѣкоторые изъ нихъ (Бердяевъ) даже почти не скрываютъ, что, напр., розенкрейцеръ Яковъ Беме для нихъ авторитетнѣе, чѣмъ преданіе Церкви и Святые Отцы, вѣроятно, потому, что тѣ иначе чѣмъ они учили о Софіи, называя, вмѣстѣ съ апостоломъ (1 Кор., 1, 24), Премудростію только Вторую Ѵпостась Св. Троицы 68). Софіанцы идутъ не церковнымъ путемъ, а по стопамъ столь цѣнимыхъ ими древнихъ и средневѣковыхъ гностиковъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ откровеннѣе они дѣлаются, договариваясь до ученія о Богоматери, какъ Главѣ Церкви, до ангела—мужа по естеству Іоанна Предтечи, будто бы занявшаго мѣсто падшаго Денницы 69), наконецъ и прямо до эоновъ 70)...

Въ наше время широкаго распространенія въ русской письменности этихъ нечестивыхъ ученій, особенно важно обратиться къ богословію Хомякова. Для тѣхъ, кто хочетъ перевоспитать свой умъ въ согласіи съ Церковью, его творенія могутъ послужить вѣрнымъ путеводителемъ. Тамъ, а не въ изданіяхъ YMCA—press и Религіозно-Философской Академіи, можно найти здравое, дѣйствительно православное ученіе. Жалкія возраженія и перетолкованія не поколеблютъ того высокаго положенія, которое сочиненія Хомякова заслуженно занимаютъ въ русской богословской литературѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше закрѣпляется за ними это положеніе, и, кто знаетъ, не наступитъ ли время, когда названіе Хомякова учителемъ Церкви станетъ общепризнаннымъ?

---

64) Критика, стр. 548.

65) Полн. Собр. Соч. Т. II, 141.

66) См. мою брошюру „Корни Церковной Смуты“, Бѣлградъ. 1927.

67) Это мною доказано въ брошюрѣ „Корни Церковной Смуты“.

68) См. канонъ утрени Вел. Четверга, службу 6 декабря и мн. др. Храмъ Св. Софіи въ Царьградѣ былъ освященъ во Имя Христово, а не Богоматери (С. Г. Вилинскій, Сказаніе о Софіи Цареградской въ Еллинскомъ лѣтописцѣ и хронографѣ, СПБ., 1903); такъ же учатъ: Св. Діонисій Вел. (Твор. изд. Каз. Дух. Ак. 1900, стр. 31, 32, 36), св. Кириллъ Александрійскій (Твор. Прил. къ „Русскому Паломнику“ за 1913 г., стр. 81, 82, 116, 122), Бл. Ѳеофилактъ Болгарскій (Толк. на Соб. Посланія, стр. 99). Въ краткой статьѣ „О Софіи-Премудрости Божіей“ за подписью Н. К. въ № 9—10 (124—125) „Церковныхъ Вѣдомостей“ доказано, что то же ученіе свойственно и Аѳанасію Великому. Ссылки, подобныя сдѣланнымъ сейчасъ мною, можно было бы продолжить до безконечности.

69) См. книги прот. Сергія Булгакова „Купина Неопалимая“ и „Другъ Жениха“. Основательный разборъ софіанскаго ученія о Богоматери и Іоаннѣ Крестителѣ сдѣланъ Іером. Іоанномъ (Максимовичемъ) въ рядѣ номеровъ издававшейся мною газеты „Голосъ Вѣрноподданнаго“.

70) В. Н. Ильинъ, „Православная Мысль“, вып. І-й, Парижъ, 1928, стр. 129.

БЕНЕФАКТОВЪ.

„САМОДЕРЖАВНО-СИНОДАЛЬНО-КОНСИСТОРСКІЙ" СТРОЙ И ИСТИННЫЙ СМЫСЛЪ И ЗНАЧЕНІЕ ЭТОГО ТЕРМИНА.

„Русская Церковь въ параличѣ съ Петра Великаго" — это образное выраженіе Ѳ. М. Достоевскаго было весьма распространеннымъ среди нѣкоторой части русской интеллигенціи и вмѣстѣ съ тѣмъ служило выраженіемъ ея отрицательнаго отношенія къ петровской церковной реформѣ. Собственно эта реформа съ самаго ея проведенія въ жизнь вызвала глухое недовольство въ Русской Церкви. Это недовольство существовало и во все дальнѣйшее время синодальнаго періода, но особенно оно усилилось въ эпоху предреволюціонную. На открытыхъ въ концѣ 1901 года „религіозно-философскихъ собраніяхъ", въ которыхъ участвовали какъ выдающіеся представители русской богословской науки, такъ и ищущей религіозной истины интеллигенціи, критиковался строй тогдашней церковной жизни, указывалось, что своей церковной реформой Петръ соединилъ въ себѣ власть русскаго царя съ властью русскаго патріарха, что онъ обезглавилъ Русскую Церковь, подчинилъ ее самодержавію. Сама верховная власть въ лицѣ императора Николая II пришла къ мысли, что необходимо „произвести нѣкоторыя преобразованія въ строѣ Русской Церкви на твердыхъ началахъ вселенскихъ каноновъ". Въ мартѣ 1906 года состоялось открытіе Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія, въ составъ котораго входили между прочимъ такіе выдающіеся представители богословской науки, какъ профессора Н. Н. Глубоковскій, Н. С. Суворовъ, В. Ѳ. Пѣвницкій, И. С. Бердниковъ, С. Т. Голубевъ и др. На засѣданіяхъ Предсоборнаго Присутствія также указывалось, что Святѣйшій Синодъ не во всемъ согласуется съ каноническими правилами, что русскіе Епископы по отношенію къ Высшему Церковному Управленію обезличены, участіе ихъ въ управленіи ослаблено, само-же управленіе протекаетъ подъ сильнымъ вліяніемъ оберъ-прокурора. Наконецъ, многіе Епархіальные Епископы въ своихъ „отзывахъ по вопросамъ церковной реформы" указывали, что въ двухвѣковый періодъ синодальнаго управленія Церковь Русская управлялась не столько канонами Вселенской Церкви, сколько регламентомъ, составленнымъ однимъ лицомъ безъ уполномочія Собора, и указами Св. Синода большей частью—по предложеніямъ оберъ-прокуроровъ; отмѣчали, что синодальная реформа управленія, основанная на коллегіальномъ началѣ, не есть соборная, а потому не можетъ быть признана православной формой управленія, *ибо церковныя дѣла должны рѣшать собранія всѣхъ Епископовъ*, а не постоянные члены, назначаемые свѣтскимъ начальствомъ; указывали на великое зло, причиненное Церкви уничтоженіемъ патріаршества. Такимъ образомъ, какъ представители епископата, такъ ученые богословы, рядовые вѣрующіе и даже сама верховная власть были согласны съ тѣмъ, что строй Русской Синодальной Церкви не во всемъ соотвѣтствуетъ православному ученію и канонамъ. Имѣлись ли основанія для такого утвержденія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, разсмотримъ въ краткихъ чертахъ, каковъ былъ тогдашній строй Русской Церкви и какимъ онъ долженъ быть по ученію и канонамъ Православія.

Статья 43-я Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи гласитъ слѣдующее: „Въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода ею учрежденнаго".

Въ связи съ этимъ профессоръ Суворовъ даетъ такое опредѣленіе Святѣйшаго Синода: „Въ Православной Церкви Россіи высшее учрежденіе, черезъ которое дѣйствуетъ самодержавная власть, есть Святѣйшій Правительствующій Синодъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго — обыкновенно Митрополита С.-Петербургскаго, изъ нѣсколькихъ архіереевъ, изъ которыхъ одни называются членами, другіе—присутствующими. Члены назначаются пожизненно именными высочайшими указами Св. Синоду, обыкновенно изъ Митрополитовъ и изъ старѣйшихъ Архіереевъ; присутствующіе вызываются высочайшими повелѣніями изъ числа епархіальныхъ Архіереевъ для временнаго присутствія въ Св. Синодѣ впредь до объявленія высочайшей воли о возвращеніи ихъ въ свои епархіи... При вступленіи въ должность членами и присутствующими дается, по установленной Петромъ Великимъ формѣ, присяга, въ которой „крайнимъ судіей духовной коллегіи" признается самъ всероссійскій монархъ" 1).

При Святѣйшемъ Синодѣ состоялъ синодальный оберъ-прокуроръ, который во-первыхъ исполнялъ функцію надзора за дѣлопроизводствомъ въ Св. Синодѣ, согласно инструкціи Петра Великаго, и во вторыхъ имѣлъ положеніе главноуправляющаго особымъ вѣдомствомъ. Въ качествѣ такового оберъ-прокуроръ являлся представителемъ Церкви въ Государственномъ Совѣтѣ, въ совѣтѣ министровъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ и сносился по всѣмъ дѣламъ съ министрами и главноуправляющими другими вѣдомствами. Непосредственно оберъ-прокурору подчинялись состоящіе при Синодѣ Синодальная канцелярія, Духовно-Учебный Комитетъ, Хозяйственное Управленіе и Контроль. Оберъ-прокуроръ имѣлъ въ своемъ непосредственномъ подчиненіи секретарей епархіальныхъ консисторій; секретарямъ было предоставлено право контроля надъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ и вмѣнено въ обязанность доносить оберъ-прокурору обо всемъ, что происходитъ въ епархіяхъ. Наконецъ, оберъ-прокуроръ былъ посредникомъ между Св. Синодомъ и императоромъ и докладывалъ послѣднему о дѣлахъ Церкви. Такимъ образомъ, оберъ-прокуроръ являлся въ Церкви всемогущимъ лицомъ и имѣлъ полную возможность совершенно не считаться съ пожеланіями Епископовъ—членовъ Синода. Наоборотъ, эти послѣдніе должны были послушно выполнять всѣ указанія оберъ-прокурора. Авторъ статьи „Синодальныя персоны" указываетъ, что во время оберъ прокурора Протасова члены Синода жаловались, „что Протасовъ забралъ ихъ въ руки по военному сразу... и сонмомъ архіерейскимъ какъ эскадрономъ на ученіи командовалъ", поставивъ ихъ въ такое положеніе, „что (они) просто голоса подымать не смѣли"2).

А между тѣмъ, согласно Слову Божію, Православному ученію и канонамъ, управленіе Церковью должно принадлежать только Епископамъ. „Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави Епископы пасти Церковь Господа и Бога, Юже стяжа Кровію Своею", говоритъ Св. Апостолъ Павелъ (Дѣян. XX, 28). „Богоустановленной Іерархіи Церковной Основателемъ Церкви Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ дана троякая власть: *учить, свя-*

1) Н. Суворовъ. Учебникъ Церковнаго Права. Москва, 1912. Стр. 228.

2) Историческій Вѣстникъ 1882 г., кн. XI, стр. 373—409,

щеннодѣйствовать и управлять", говоритъ Православное Догматическое Богословіе 3). „Епископъ да имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ вещахъ и оными да распоряжаетъ яко Богу назирающу". „Повелѣваемъ Епископу имѣти власть надъ церковнымъ имѣніемъ. Аще бо драгоцѣнныя человѣческія души ему ввѣрены, то кольми паче о деньгахъ заповѣдать должно, чтобы онъ всѣми распоряжался по своей власти", говорятъ Апостольскія правила (38 и 41). Согласно этимъ же канонамъ, каждая Православная Помѣстная Церковь должна имѣть своего Главу — перваго Епископа: „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго изъ нихъ и признавати его яко главу и ничего превышающаго ихъ власти не творити безъ его разсужденія" (Пр. 34). Но Глава Помѣстной Церкви — первый Епископъ долженъ править Церковью совмѣстно съ соборомъ всѣхъ Епископовъ, какъ предписываетъ Апостольское правило 37-ое: „Дважды въ году да бываетъ соборъ Епископовъ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ, и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія".

Изъ всего вышесказаннаго достаточно ясно вытекаетъ, насколько строй русской Синодальной Церкви не соотвѣтствовалъ православному ученію и канонамъ. Съ уничтоженіемъ патріаршества Русская Церковь не имѣла своего каноническаго Главы—перваго Епископа. За все время синодальнаго періода ни разу не былъ созванъ Соборъ всѣхъ правящихъ Епископовъ. Высшей властью въ Церкви, согласно 43 статьи Основныхъ Законовъ, былъ самодержецъ императоръ, по своему усмотрѣнію назначавшій въ Синодъ нѣсколькихъ найболѣе „лойяльныхъ" Епископовъ. Но даже и эти Епископы не имѣли въ Синодѣ никакого значенія, ибо тамъ всѣмъ заправлялъ свѣтскій чиновникъ—всесильный синодальный оберъ-прокуроръ, имѣвшій, кромѣ того, полную возможность слѣдить за Епархіальными Епископами черезъ подчиненныхъ ему чиновниковъ — секретарей епархіальныхъ консисторій. Такой строй, фактически уничтожавшій Церковь, какъ самостоятельную организацію, и превращавшій Ее въ „вѣдомство Православнаго Исповѣданія", могъ быть названъ „самодержавно-синодально-консисторскимъ", и недовольство этимъ строемъ было совершенно понятно и справедливо.

Но необходимо отмѣтить, что среди недовольныхъ „самодержавно-синодально-консисторскимъ" строемъ не было единства. Епископатъ, представители богословской науки и нѣкоторые міряне считали, что строй Русской Православной Церкви необходимо приблизить къ православно-каноническому строю, т. е. передать управленіе Церковью въ руки Епископата во главѣ съ первымъ Епископомъ—Патріархомъ. Но было и другое теченіе, представители котораго, увлеченные идеями народовластія и парламентаризма, стремились эти идеи внести и въ Церковь и потому требовали, чтобы міряне также были допущены къ управленію Церковью и засѣдали на Соборахъ на одинаковыхъ правахъ съ Епископами. При этомъ сторонники этихъ новшествъ, обыкновенно, ссылались на „издревле присущее Церкви соборное начало", истолковывая его въ выгодномъ для себя смыслѣ. Конечно, нечего и доказывать, что такая „парламентарная соборность", въ дѣйствительности, въ корнѣ противорѣчитъ ученію и канонамъ Православной Церкви, и что истинная Православная соборность — это соборность Епископовъ, которымъ однимъ только ввѣрено управленіе церковное.

Съ паденіемъ самодержавія былъ уничтоженъ въ Русской Церкви и „самодержавно-синодально-консисторскій строй". Въ результатѣ великихъ историческихъ событій возстановилась Польша и вмѣстѣ съ тѣмъ получила самостоятельность и Польская Православная Церковь. Но приходится констатировать, что недовольство строемъ церковной жизни, которое, какъ мы видѣли, существовало въ русской Синодальной Церкви, преемственно, какъ бы по какой то традиціи, перешло также и въ нашу Церковь и укрѣпилось здѣсь въ нѣкоторыхъ кругахъ. Такъ, напримѣръ, варшавская русская эмигрантская пресса изъ года въ годъ упорно твердитъ, что наша Православная Церковь въ Польшѣ зажата „въ тиски искаженнаго цезарепапизма", что въ Ней царитъ „самодержавно-синодально-консисторскій строй", установленный при энергичномъ содѣйствіи польскаго правительства, при чемъ роль символическаго Побѣдоносцева „ока царева" какъ бы переходитъ на польскаго Директора Департамента Исповѣданій. Господа эмигранты далѣе утверждаютъ, что наша Польская Православная Церковь даже не является подлинной Церковью, а есть всего только „бюрократическое учрежденіе". Единственнымъ средствомъ, могущимъ, по мнѣнію эмигрантской печати, уврачевать язвы этого „бюрократическаго учрежденія" и сдѣлать его снова подлинной Церковью, является „издревле присущее Церкви соборное начало", подъ которымъ однако, какъ оказывается, подразумѣвается все тотъ же „церковный парламентаризмъ", о которомъ мы упоминали выше. Какъ видитъ читатель, обвиненія, выдвинутыя русской эмигрантской печатью по адресу Польской Православной Церкви,—далеко не новы. Все это когда то говорилось по адресу Русской Синодальной Церкви и говорилось какъ мы видѣли, вполнѣ основательно.

Но являются-ли эти обвиненія основательными въ настоящее время? Говорятъ, что у насъ — цезарепапизмъ, самодержавно-синодально-консисторскій строй и „символическій Побѣдоносцевъ". Но что собственно должны означать всѣ эти страшныя слова въ отношеніи къ нашей Церкви? Прежде всего, какъ извѣстно, въ Польской Республикѣ нѣтъ цезаря-самодержца. Можетъ быть, хотятъ сказать, что Польское Правительство управляетъ самодержавно Православной Церковью? Но это обвиненіе настолько серьезно, что требуетъ доказательствъ. Между тѣмъ, въ основныхъ законахъ Польской Республики—Польской Конституціи нигдѣ не говорится о такомъ правѣ польскаго правительства, скорѣе наоборотъ, Польская Конституція гарантируетъ всѣмъ Церквамъ полную свободу управленія, согласно ихъ ученію и канонамъ. Можетъ быть, хотятъ сказать, что въ нашей Церкви правятъ самодержавно Епископы? Но, во-первыхъ, согласно ученію и канонамъ Православной Церкви, какъ мы это видѣли, Епископы и должны управлять Церковью. Во-вторыхъ, въ своемъ управленіи Церковью Епископы вовсе не самодержавны, но власть ихъ должна ограничиваться не свѣтской властью и не мірянами, а *каноническими правилами, и болѣе никѣмъ и ничѣмъ*. Наша Православная Церковь въ Польшѣ, согласно каноническимъ правиламъ, имѣетъ своего Главу—перваго Епископа — Митрополита Варшавскаго. Свящ. Синодъ нашъ не имѣетъ ничего общаго съ бывшимъ русскимъ Святѣйшимъ Синодомъ. Нашъ Свящ. Синодъ является въ дѣйствительности Соборомъ всѣхъ правящихъ Епископовъ, собирается онъ даже чаще, чѣмъ этого требуютъ каноны, и „символическій Побѣдоносцевъ" не имѣетъ къ нему рѣшительно никакого отношенія. Точно также не имѣютъ никакого отношенія къ свѣтской власти секретари консисторій, которые сейчасъ, какъ извѣстно, являются просто начальниками канцелярій. Такимъ образомъ, внутренній строй нашей Церкви вполнѣ соотвѣтствуетъ православному ученію и канонамъ и не имѣетъ ничего общаго съ „самодержавно-синодально-консисторскимъ" строемъ. Конечно, мы не станемъ

3) Очеркъ Правосл. Догм. Богосл. прот. Н. Малиновскаго, т. II. Сергіевъ Посадъ, 1908 г. Стр. 217.

ЕПИСКОПЪ АЛЕКСІЙ.

Посѣщеніе

ЕГО БЛАЖЕНСТВОМЪ БЛАЖЕННѢЙШИМЪ МИТРОПОЛИТОМЪ ДІОНИСІЕМЪ

Святыхъ Православныхъ Автокефальныхъ Восточныхъ Церквей*).

Монастырей въ Сербіи и всей Югославіи чрезвычайно много, до 200, и нѣкогда они были важнымъ оплотомъ православія. Въ исторической жизни сербскаго народа монастыри имѣли огромное значеніе: они были культурными центрами, изъ которыхъ исходили лучи просвѣщенія и распространялись среди сербскаго народа. Въ монастыряхъ воспитывались сербскіе князья, вожди и вся сербская интеллигенція. Въ эпоху же турецкаго владычества сербскіе монастыри оставались единственными разсадниками просвѣщенія и хранителями завѣтовъ старины. И нынѣ ни одинъ христіанскій народъ не имѣетъ столько монастырей, сколько имѣютъ ихъ, сообразно своей численности, сербы, но, къ сожалѣнію, монашеская жизнь въ Югославіи близка къ смерти. Притокъ свѣжихъ силъ въ монастыри почти прекратился, и сербскіе, въ общемъ богатые, монастыри пустуютъ. Даже при Патріархѣ мы не видѣли монаховъ, а между тѣмъ за время своего путешествія успѣли вынести твердое убѣжденіе, что монашество — душа церковной жизни всякаго народа. Монашество въ Югославіи безусловно угасаетъ, и это явленіе наводитъ на печальныя размышленія о церковномъ и даже религіозномъ будущемъ сербскаго народа. Лѣснинскія монахини обратили одинъ изъ опустѣлыхъ сербскихъ монастырей въ цвѣтущее состояніе, и какъ жаль, что многочисленые иноки русскіе, изгнанные изъ закрытыхъ монастырей, не могутъ занять почти пустыхъ сербскихъ монастырей и превратить ихъ въ разсадники благодатной церковной жизни для братскаго народа...

*) См. „Воскресное Чтеніе“ №№ 1—50 за 1928 годъ' № 2—9 за 1929 г.

Осмотрѣвъ королевскія комнаты, мы сошли внизъ и прошли въ большую и длинную комнату—столовую, гдѣ намъ былъ предложенъ ужинъ. Сюда собираются ежедневно на трапезу всѣ насельники карловацкаго патріаршаго дворца и гости, во главѣ съ епископами, такъ что съ этой стороны жизнь карловацкаго патріаршаго дома напоминаетъ монастырское общежитіе. Собираются на трапезу по звонку, молятся предъ ѣдой и послѣ трапезы и молчаливо вкушаютъ отъ яствій и питій. Послѣднія, впрочемъ, далеко не монастырскія, ибо пища здѣсь вкусная и обильная, а вина превосходныя. Ужиналъ съ нами и Владыка Антоній, и Преосвященный Максимиліанъ, и десятка полтора духовенства, живущаго въ Патріархіи и пріѣзжаго.

Послѣ ужина и кофе мы простились съ Преосвященнымъ Максимиліаномъ и отправились въ помѣщеніе Владыки Антонія. Оно состоитъ изъ двухъ комнатъ— чистыхъ, свѣтлыхъ и уютныхъ. Въ первой отъ входа комнатѣ—кабинетъ и гостинная Владыки. Здѣсь мы расположились и провели время до глубокой ночи въ оживленной бесѣдѣ по всѣмъ злободневнымъ вопросамъ церковной жизни. Говорили о Соборѣ Вселенскомъ, объ англиканствѣ, о болгарской схизмѣ и маріавитахъ. На всѣ наши вопросы Владыка Антоній отвѣчалъ цѣлыми лекціями, представлявшими каскадное богатство мыслей и эрудиціи. Невольно вспоминались юношескіе годы, когда мы, молодыми студентами Академіи, также любили собираться возлѣ тогда еще молодого и бодраго Владыки Антонія и, раскрывъ уста, старались не проронить ни единаго слова изъ его вдохновенныхъ рѣчей. Также слушали мы его и теперь, ибо и нынѣ онъ бодръ и не утратилъ свѣжести и ясности мышленія и блестящаго дара слова, а только побѣлѣлъ и постарѣлъ... Больше всего говорили въ этотъ вечеръ о нашихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, при чемъ наши разсказы чередовались съ мѣткими характеристиками Владыки многихъ духовныхъ лицъ, съ коими намъ приходилось встрѣчаться, а также его красочными репликами на многія мѣста нашихъ разсказовъ. Трудно вкратцѣ передать мысли Владыки Антонія по затронутымъ нами вопросамъ, да въ этомъ и нужды нѣтъ, ибо въ четырехъ томахъ его сочиненій содержатся взгляды его на всѣ современные церковные вопросы, но взглядъ Высокопреосвященнаго Митрополита Антонія на каноничность устройства Польской Православной Церкви и ея Іерархіи долженъ быть цѣликомъ приведенъ здѣсь, ибо онъ больше всего и интересовалъ насъ. Видимо, Владыка Антоній ясно представлялъ себѣ всю важность для насъ его взгляда по указанному вопросу и напередъ продумалъ его, ибо за бесѣдой онъ вручилъ Его Бла-

утверждать, что положеніе нашей Церкви является вполнѣ удовлетворительнымъ. Необходимо признать, что нашей Церкви пришлось до извѣстной степени быть отвѣтственной за чужіе грѣхи,—грѣхи царскаго правительства. Конечно, это является глубоко несправедливымъ, хотя бы потому, что Православная Церковь въ Россіи была незаконно порабощена, „плѣнена“ свѣтской властью, сама была въ „параличѣ“ и за время своего двухвѣкового Петербургскаго „плѣненія“ сама потеряла слишкомъ много. Но, къ сожалѣнію, эта истина недостаточно осознана Польскимъ обществомъ и отсюда это недовѣріе къ Православной Церкви, отсюда „Временныя Правила“ и многое другое. Но при всемъ томъ, повторяемъ, Православная Церковь въ Польшѣ стоитъ на твердомъ каноническомъ пути. Она представляетъ собой не „вѣдомство“, не „учрежденіе“, а самостоятельную организацію, подлинную Церковь, внутренній строй Ея вполнѣ каноничень и православенъ, и ни о какомъ цезарепапизмѣ и „самодержавно-синодально-консисторскомъ“ строѣ не можетъ быть и рѣчи. Будемъ надѣяться, что новый договоръ между Церковью и Правительствомъ — статутъ Православной Церкви—гарантируетъ Ей и въ дальнѣйшемъ согласный съ Ея ученіемъ и канонами строй, уничтожитъ всѣ недостатки „Временныхъ Правилъ“ и будетъ вполнѣ соотвѣтствовать Ея достоинству.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ „Соборномъ началѣ“, о которомъ такъ много твердитъ эмигрантская пресса. Мы уже указывали, что это „Соборное начало“ все тотъ же „церковный парламентаризмъ“, который въ свое время горячо рекомендовался и для Русской Церкви. Въ тѣ времена вообще принято было вѣрить въ великую спасительную силу парламентаризма и потому понятно, что находились люди желавшіе вопреки церковнымъ канонамъ непремѣнно надѣлить и Церковь этимъ „цѣлительнымъ“ началомъ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Теперь врядъ-ли кто думаетъ спасать Россію парламентаризмомъ. А кромѣ того, за послѣдніе годы во многихъ странахъ парламентаризмъ успѣлъ достаточно выявить всѣ свои темныя стороны. И потому тѣмъ удивительнѣе, что находятся люди, которые, закрывая глаза на уроки исторіи, все еще стремятся насадить въ Церкви это совершенно Ей чуждое и во всякомъ случаѣ весьма сомнительное по своей пригодности начало.

женству свой письменный отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

„На запросъ Вашъ (наканунѣ въ Бѣлградѣ) о томъ, каково мое личное мнѣніе о правомочности Польской Православной Іерархіи, имѣю честь увѣдомить, что оно опредѣлится въ зависимости отъ рѣшенія нашего заграничнаго Церковнаго Собора, назначеннаго на 20-ое августа стараго стиля с. г.; но такъ какъ Вамъ угодно получить таковой отвѣтъ о моемъ личномъ отношеніи къ этому вопросу и притомъ теперь же, то я отвѣчаю въ томъ же духѣ, какъ не однажды уже заявлялъ Архіерейскому Синоду нашему.

Польская Іерархія передалась въ каноническое подчиненіе Константинопольскому Патріарху нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ тѣхъ поръ, какъ усмотрѣла свою физическую невозможность сноситься съ Патріархомъ Московскимъ. Подобнымъ образомъ поступила Россійская Іерархія въ XV вѣкѣ, усмотрѣвъ невозможность сношенія съ Патріархомъ Константинопольскимъ послѣ взятія Константинополя турками; однако, древняя Русская Іерархія не сочла законнымъ (ни даже возможнымъ) войти въ подчиненіе иному Патріарху, но начала управляться самостоятельно и однако сочла себя обязанной послать въ Константинополь объясненія и извиненіе. Такъ же слѣдовало поступить и Польской Іерархіи по отношенію къ Мѣстоблюстителю Московскаго Патріаршаго Престола.

Однако, прежде, чѣмъ названная Іерархія успѣла это сдѣлать, она получила отъ Вселенскаго Престола полную автокефалію. Посему, если даже взирать на поступки, или, лучше сказать, на медлительность Польской Іерархіи, какъ на дѣло незаконное, то и тогда, вмѣстѣ съ освобожденіемъ ея отъ власти чужого Патріарха, уничтожается составъ преступленія, буде кто пожелалъ бы усматривать таковое въ отрѣшеніи ея отъ вакантнаго на долгое время Московскаго Патріаршаго Престола, тѣмъ болѣе, что отъ сего же Престола въ 1921 году была циркулярно предоставлена автономія (временная автокефалія) всѣмъ церковнымъ объединеніямъ, лишеннымъ физической возможности сноситься со Всероссійскимъ Патріархомъ.

По обнародованіи же пасхальнаго привѣтствія Вамъ Митрополита Сергія (замѣстителя Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола), въ коемъ Вы именуетесь Митрополитомъ Варшавскимъ и всея Польши, должна исчезнуть послѣдняя тѣнь сомнѣнія въ каноничности возглавляемой Вами Польской Православной Церкви, автокефальность которой признали и вновь подтвердили всѣ Восточныя Патріархи". (—) Кіевскій Митрополитъ Антоній.

Было уже далеко за полночь, а уходить не хотѣлось отъ обаятельнаго хозяина, коему по справедливости надлежало бы быть Вселенскимъ Патріархомъ для всего Православнаго міра, ибо равнаго ему по облику, свѣтлости обаятельнаго ума и богатству ученой эрудиціи Святителя Восточная Православная Церковь въ наши дни не знаетъ. А его образъ жизни и всепокоряющая простота такъ дополняютъ величавый и благолѣпный образъ Святителя, коему судилъ Господь на конецъ дней его многія скорби „отъ присныхъ", нисколько имъ не заслуженныя и представляющія изъ себя плодъ самаго печальнаго и непонятнаго недоразумѣнія. „Спаси, Господи, еще на долгіе годы Своего маститаго святителя", вознесли мы тихую молитву къ небесному Пастыреначальнику, когда прощались съ Владыкою Антоніемъ, а уйдя отъ него, еще долго размышляли о немъ. Несомнѣнно, Господь привелъ его на чужбину затѣмъ, чтобы яркій свѣтильникъ вѣры и благочестія сталъ виденъ всему Православному міру. Вѣримъ, что посланныя Владыкѣ Антонію искушенія—временны и послужатъ они только для оттѣненія величія духа маститаго святителя, съ коимъ онъ отойдетъ въ церковную исторію, какъ великій отецъ и учитель Вселенской Церкви.

12 мая утромъ, напившись чаю, мы, вмѣстѣ съ о. архим. Николаемъ, отправились въ коляскѣ къ Дунаю и осматривали окрестности Карловцевъ. По мѣстамъ попадаются красивыя долины, хорошіе сады, но, конечно, сравнивать ихъ съ Дамасскими, Бейрутскими, Палестинскими, Халкинскими и другими восточными красотами не приходится. Дунай здѣсь — широкая, мутная, глубокая и страшная рѣка. Вспомнили мы картину съ патріархомъ Лукіаномъ въ тронномъ залѣ патріаршаго дома, и невольно жутко стало: если въ тихую погоду эта рѣка такъ грозна и страшна, то каковъ же Дунай въ бурю и во время весенняго разлива!?

Вернувшись съ прогулки по карловацкимъ окрестностямъ, мы побывали у Э. И. Махароблидзе, гдѣ пили чай, а затѣмъ прошли въ библіотеку. Встрѣтилъ Его Блаженство и давалъ любезныя объясненія престарѣлый библіотекарь, 85-лѣтній почтеннѣйшій протоіерей Димитрій Руварацъ. Это — любитель музейныхъ рукописей и большой ихъ знатокъ, авторъ многочисленныхъ (свыше тысячи) изслѣдованій, брошюръ и статей. О. Димитрій такъ еще бодръ и свѣтелъ умомъ, что не вѣрилось, будто предъ нами такой ветхій денми старецъ. Онъ по цѣлымъ днямъ просиживаетъ въ библіотекѣ, привелъ ее въ надлежащій видъ и своимъ бодрымъ обликомъ невольно заронилъ мысль, что книжная работа не только не истощаетъ силъ, а, напротивъ, сохраняетъ здоровье и удлиняетъ жизнь. Спаси, Господи, почтеннаго старца, который уже свыше 50 лѣтъ трудится въ карловацкой патріаршей библіотекѣ...

Изъ библіотеки прослѣдовали въ типографію. Она поставлена великолѣпно и много работаетъ по напечатанію всякаго рода книгъ, вплоть до богослужебныхъ. Завѣдывающій типографіей подарилъ намъ по Требнику и Каноннику мѣстной печати, а также и по нѣскольку другихъ книгъ, напечатанныхъ здѣсь, и мы отправились на обѣдъ. За столомъ увидѣли Преосвященнаго Гавріила, Епископа Челябинскаго и Троицкаго, который прибылъ къ Владыкѣ Антонію. Мы знали его епископомъ Аккерманскимъ и всегда отмѣнно почитали его, какъ блестящаго проповѣдника, умнаго администратора и весьма добраго, общительнаго человѣка. За десять лѣтъ онъ нисколько не измѣнился, даже сталъ на свободѣ отъ епархіальныхъ дѣлъ какъ будто моложе и бодрѣе. За столомъ мы возблагодарили Преосвященнаго Максимиліана за всѣ его заботы и хлопоты о насъ, а затѣмъ, по окончаніи трапезы, стали собираться къ отъѣзду въ Бѣлградъ и потомъ въ Софію. Его Блаженство велъ въ это время бесѣду съ Владыкой Антоніемъ.

Простившись съ Владыками—Антоніемъ, Гавріиломъ и Максимиліаномъ, секретаремъ Архіерейскаго Собора Э. И. Махароблидзе, а также всѣми другими обитателями патріаршаго дворца, мы отправились на вокзалъ, чтобы въ 6½ час. вечера отбыть по направленію къ Бѣлграду. Съ нами былъ и о. Любиславъ Поповичъ. Подошелъ поѣздъ, мы усѣлись, простились съ провожавшими насъ карловчанами и черезъ два часа были въ Бѣлградѣ. На бѣлградскомъ вокзалѣ поѣздъ на Софію стоитъ около трехъ часовъ, но это время прошло незамѣтно, такъ какъ попрощаться съ Его Блаженствомъ прибылъ нашъ посланникъ г. Окенцкій, секретарь польскаго посольства и военный атташе Польши г. Гродскій; а затѣмъ, когда г. Посолъ и его сотрудники отбыли, прибылъ для свиданія съ Владыкой Митрополитомъ Преосвященный Митрофанъ, бывшій Волынскій Епархіальный Миссіонеръ, а затѣмъ епископъ Сумскій, викарій Харьков-

ской епархіи. Нынѣ онъ состоитъ настоятелемъ одного изъ ближайшихъ къ Бѣлграду монастырей сербскихъ и пользуется вниманіемъ Святѣйшаго Димитрія и добрымъ расположеніемъ къ себѣ со стороны всего сербскаго епископата. Преосвященный Митрофанъ бесѣдовалъ съ Его Блаженствомъ до отхода поѣзда. Около 12 часовъ ночи поѣздъ тихо отошелъ отъ станціи „Београдъ", и мы расположились на ночлегъ, въ надеждѣ проснуться на слѣдующій день на болгарской территоріи.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ печати.

Неудачная апологетика.

Съ нѣкоторыхъ поръ Институтъ Изученія Національныхъ Меньшинствъ въ Варшавѣ организовалъ рядъ лекцій для освѣщенія важнѣйшихъ проблемъ жизни національныхъ меньшинствъ въ Польшѣ. Случилось такъ, что до сихъ поръ прочитаны 3-4 лекціи, почти исключительно украинцами. Были прочитаны лекціи, напримѣръ. о положеніи украинской школы, объ украинскихъ политическихъ партіяхъ и т. п., причемъ въ докладахъ и преніяхъ выходило какъ-то такъ, что главной бѣдой украинскаго населенія Польши является преподаваніе на русскомъ языкѣ нѣсколькихъ предметовъ на Православномъ Богословскомъ Отдѣлѣ Варшавскаго Университета. Эта тема занимала въ преніяхъ гораздо больше мѣста, чѣмъ, напр., отсутствіе украинскаго университета и т. п. Наконецъ, 23 января с. г. И. И. Огіенкой, профессоромъ церковно-славянскаго языка и палеографіи Православнаго Богословскаго Отдѣла Варшавскаго Университета, былъ прочитанъ докладъ объ Украинской Православной Церкви.

Всѣ эти разговоры въ католической средѣ о Православной Церкви вызвали прежде всего рядъ курьезовъ въ отчетахъ польской печати о заслушанныхъ докладахъ. Такъ, напр., „Курьер Поранны" усмотрѣлъ изъ нихъ существованіе въ Польшѣ какой-то особой „греко-украинской вѣры", а „Эп на", отъ 25 января 1929 г., извлекла изъ доклада проф. Огіенки такіе перлы, какъ утвержденіе, что „высшимъ церковнымъ іерархомъ" Православной Церкви на Украинѣ былъ „архимандритъ", что „отличительной чертой" этой Церкви былъ „черный клобукъ" ея митрополита, составлявшій символъ ея самостоятельности, и что „въ Луцкѣ въ 1927 г. состоялся „съѣздъ духовенства", а въ 1917 г. „украинскій синодъ совѣщался по вопросу о деруссификаціи Церкви..., т. к. революція застала на Украинѣ 25 епископовъ русскихъ", и т. д.

Вся неумѣстность осужденія и критики православныхъ церковныхъ учрежденій станетъ еще болѣе очевидной, если принять во вниманіе, что въ этой критикѣ немалую роль играли члены собраній католики, въ особенности же уніатъ проф. Смаль-Стоцкій. Но если врагу православія и поборнику Рима нельзя удивляться, ибо для него всѣ средства хороши въ борьбѣ съ ненавистной Православной Церковью, то приходится недоумѣвать, какъ профессоръ Православнаго Богословскаго Отдѣла могъ оказаться въ роли неправомыслящаго о Православной Церкви, коей онъ самъ состоитъ членомъ, передъ католической аудиторіей. Между тѣмъ, именно это имѣло мѣсто на докладѣ проф. И. Огіенки 25 января с. г.

Оговариваемся, что упомянутаго доклада мы лично не слышали и ознакомились съ нимъ лишь по обстоятельному отчету, помѣщенному въ №№ 25 и 26 газеты „За Свободу" за текущій годъ; указанный отчетъ не вызвалъ никакихъ возраженій со стороны автора доклада и поэтому мы въ правѣ считать его вполнѣ точнымъ.

Приступая къ разсмотрѣнію самаго доклада, мы, прежде всего, затрудняемся опредѣлить наше отношеніе къ исторической его части, а именно по мотивамъ скорѣе методологическаго характера. Нельзя устанавливать закономѣрности явленій, имѣвшихъ мѣсто въ IX-XII в. в., на основаніи документа, датированнаго 1686 г., какъ это дѣлаетъ проф. Огіенко, равно какъ совершенно неисторическимъ и безсодержательнымъ будетъ терминъ „Украинская Церковь во времена Великаго Княжества Кіевскаго", ибо, злоупотребляя въ подобной мѣрѣ историческими понятіями, нетрудно договориться и до того, что мы видѣли на-дняхъ въ одномъ бѣлорусскомъ изданіи, гдѣ совершенно серьезно доказывалось утвержденіе, что Свв. Первоучители Кириллъ и Меѳодій были бѣлоруссами и говорили и писали на бѣлорусскомъ языкѣ.

Точно также совершенно неточнымъ будетъ терминъ „полная независимость Церкви отъ государства", въ примѣненіи къ Православной Церкви на нынѣшнихъ украинскихъ земляхъ, если это опредѣленіе мы будемъ принимать въ современномъ смыслѣ этихъ словъ. По существу же это утвержденіе никакъ не можетъ быть признано правильнымъ для всѣхъ періодовъ исторіи этой Церкви, начиная съ Владиміра Святого.

Наконецъ, весьма сомнительной является попытка изображенія процесса развитія церковной жизни на украинскихъ земляхъ, какъ генетическаго хода явленій, непрерывной цѣпью тянущагося на всемъ протяженіи исторіи—до конца XVII в. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи періоды до XVI в. и послѣ него—весьма между собою различаются, въ силу различныхъ условій государственнаго и политическаго существованія украинскихъ земель въ оба эти періода.

Православная Церковь на этихъ земляхъ, будучи въ первомъ періодѣ господствующей, имѣла отличную организацію отъ той, которая выработалась въ позднѣйшемъ періодѣ, т. е. тогда, когда Церковь, будучи тѣснимой, а затѣмъ и преслѣдуемой, должна была опираться на болѣе широкую общественно-политическую базу. Аналогичныя явленія мы отмѣчаемъ и въ жизни другихъ, даже неправославныхъ, Церквей въ разныхъ странахъ при сходствѣ общихъ условій. Поэтому, напрасной является попытка изображенія этихъ исторически возникшихъ явленій въ качествѣ органическихъ, извѣчныхъ чертъ „украинскаго" православія.

Это наше мнѣніе подтверждается, впрочемъ, и самимъ проф. И. Огіенкой, признающимъ въ первомъ изъ тезисовъ, которыми онъ заканчиваетъ свой докладъ, что:

„Значительная часть главнѣйшихъ правовыхъ и національныхъ особенностей Украинской Православной Церкви въ Польшѣ выработалась въ тѣ времена, когда украинскій народъ находился въ границахъ великаго княжества Литовскаго и Короны Польской".

Не лишнимъ также будетъ замѣтить, что великій реформаторъ и устроитель православія на Украинѣ въ XVII в. Митрополитъ Петръ Могила былъ по національности не украинцемъ, а молдаваниномъ.

Намѣтивъ такимъ образомъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ оговорокъ, которыя можно бы противопоставить историческимъ выводамъ проф. Огіенки, отмѣтимъ, что лекторъ устанавливаетъ въ качествѣ главныхъ установившихся „традицій, которыя въ ней царили, какъ во времена Великаго Княжества Кіевскаго, такъ равно и во времена Княжества Литовскаго и Короны Польской", нижеслѣдующія положенія:

„1. Полную независимость Церкви отъ государства".

Выше мы уже обращали вниманіе на то, насколько неточно и условно это положеніе.

„2. Соборное устроеніе жизни Православной Церкви, соборноправность, когда всѣ важнѣйшіе вопросы передавались на разсмотрѣніе помѣстныхъ Соборовъ".

„3. Избираемость каждой духовной особы, начиная съ Митрополита и кончая сельскимъ дьячкомъ, причемъ въ выборахъ участвовали не только духовныя лица, но и свѣтскій элементъ".

Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство очевидно не одобряется лекторомъ, такъ какъ относительно избранія Митрополита Гедеона Четвертинскаго онъ, нѣсколько далѣе, говоритъ, что тотъ былъ „избранъ неканонически, голосами, главнымъ образомъ, свѣтскихъ лицъ, такъ какъ высшее духовенство на выборы не явилось".

Далѣе лекторъ отмѣчаетъ, что „въ Украинской Православной Церкви существовалъ порядокъ, въ силу коего избираемыми могли быть только лица мѣстнаго происхожденія", къ сожалѣнію, не указывая относился-ли этотъ порядокъ также къ преподавателямъ богословскихъ учебныхъ заведеній.

Перейдя затѣмъ къ богослужебному языку, проф. Огіенко вынужденъ признать, что таковымъ всегда оставался церковно-славянскій языкъ, а попытки замѣны его украинской разговорной рѣчью не получили сколько-нибудь широкаго примѣненія. Этотъ послѣдній языкъ употреблялся лишь въ церковныхъ проповѣдяхъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при чтеніи Евангелія, вообще же можетъ быть рѣчь лишь о мѣстномъ произношеніи церковно-славянскаго текста, такъ называемой „вымовѣ", которая, однако, никогда не была узаконена какимъ-либо обязательнымъ и закономѣрнымъ актомъ.

Вопросъ о специфическихъ традиціяхъ церковной организаціи жизни на украинскихъ земляхъ, какъ извѣстно, неоднократно подвергался разработкѣ въ богословской литературѣ; припоминаемъ, что весьма недавно въ „Воскресномъ Чтеніи" была напечатана обстоятельная статья, убѣдительно доказывавшая, что значеніе и самое наличіе этихъ традицій обычно чрезмѣрно преувеличивается. Въ упомянутой статьѣ съ совершенной наглядностью устанавливалось, что такія традиціи, какъ, напримѣръ, церковныя братства въ томъ видѣ, какъ они существовали въ XVII в., или церковный патронатъ, весьма распространенный и, вопреки мнѣнію проф. И. Огіенки, почти вытѣснившій въ томъ же столѣтіи избирательныя начала, въ наше время врядъ-ли примѣнимы.

Въ изложеніи проф. Огіенки мы совершенно не видимъ признаковъ критическаго подхода къ усмотрѣннымъ имъ церковнымъ традиціямъ.

Между тѣмъ, совершенно правильно указывалось на-дняхъ въ „Воскресномъ Чтеніи" (№ 2), въ статьѣ г-на Бенефактова:

„Вселенская Православная Церковь существуетъ уже около 2.000 лѣтъ, за то время въ отдѣльныхъ помѣстныхъ частяхъ ея накопилось достаточно много различныхъ „историческихъ традицій", но это не значитъ, что всѣ эти „традиціи" соотвѣтствуютъ ея духу и канонамъ. Такъ, напримѣръ, исторія Россійской Церкви сохранила намъ весьма любопытный документъ „Духовный Регламентъ", послужившій основой такъ называемаго „Синодально-Консисторскаго Строя", но эту „историческую традицію" считаютъ совершенно непріемлемой и неканоничной, какъ проф. И. Огіенко, такъ и его апологетъ изъ „За Свободу".

Равнымъ образомъ въ той же статьѣ можно указать на весьма убѣдительную цитату изъ труда проф. Бердникова, въ которой перечисляются доказательства нецѣлесообразности примѣненія въ наше время традиціи выборности духовныхъ лицъ, подкрѣпленныя ссылкой на свидѣтельство такого отца Церкви, какъ Св. Іоаннъ Златоустъ.

Но, повторяемъ, проф. Огіенко принимаетъ все бывшее до опредѣленнаго срока безъ всякой критики и признаетъ его примѣнимымъ чисто механически и для нашего времени. Это явствуетъ изъ заключительныхъ тезисовъ, которыми онъ заканчиваетъ свое изложеніе и среди которыхъ мы находимъ, напримѣръ, такіе:

„4. Украинскій народъ въ Рѣчи Посполитой Польской съ нетерпѣніемъ ожидаетъ деруссификаціи правового положенія Украинской Православной Церкви въ Польшѣ, а именно: возстановленія освященнаго вѣковой традиціей соборнаго начала въ жизни Церкви и избираемости всѣхъ духовныхъ лицъ, настаивая, чтобы на всѣ духовныя должности были избираемы исключительно лица мѣстнаго происхожденія".

„5. Украинскій народъ въ Рѣчи Посполитой Польской домагается деруссификаціи Православной Церкви въ Польшѣ, а именно: возстановленія украинскаго произношенія всѣхъ литургическихъ текстовъ въ Церкви и въ школахъ, проповѣди на украинскомъ языкѣ, совершенія второстепенныхъ службъ (modły dodatkowe) на украинскомъ языкѣ, и, наконецъ, возстановленія всѣхъ давнихъ украинскихъ церковныхъ обычаевъ,—словомъ, возстановленія того положенія, которое существовало въ Украинской Православной Церкви до раздѣла Польши".

„6. До раздѣла Польши почти при каждой Православной Церкви въ Польшѣ существовали, такъ называемыя, церковныя братства, которыя въ ихъ прежней формѣ правительство русское уничтожило. Поэтому украинскій народъ стремится къ возстановленію института братствъ въ ихъ прежней формѣ".

Опредѣленнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ во всемъ вышеизложенномъ представляется то, что проф. И. Огіенко, будучи самъ, какъ извѣстно, „лицомъ не мѣстнаго происхожденія", въ приведенныхъ нами и въ другихъ тезисахъ, опредѣленно политическаго содержанія, высказывается отъ имени „украинскаго народа Рѣчи Посполитой Польской", на что, насколько знаемъ, онъ не имѣетъ никакого формальнаго мандата. Но, какъ покажетъ дальнѣйшее, въ жизни проф. Огіенко бывали противорѣчія и покрупнѣе этого.

Это теорія, „тезисы", т. сказ.—идеальное представленіе проф. Огіенки о томъ, какъ должно быть, чтобы было хорошо, т. е. чтобы дѣла Православной Церкви на Украинѣ были устроены соотвѣтственно ея „историческимъ традиціямъ" и убѣжденіямъ самого проф. Огіенки.

Однако, существуетъ и практика, зачастую не совпадающая съ теоріей; въ такихъ случаяхъ говорится, что „дѣло не отвѣчаетъ слову". Конечно, нельзя поручиться, каковы были бы „дѣла" проф. Огіенки, если ему, скажемъ, будетъ дана власть и онъ рѣшится дѣйствовать открыто и оффиціально (хотя это и не трудно себѣ представить), но зато мы отлично знаемъ, что дѣлалъ и какъ поступалъ проф. Огіенко, когда считалъ себя облеченнымъ властью и снабженнымъ нужными полномочіями.

Такое время было лѣтомъ и осенью 1919 года, когда проф. Огіенко былъ въ Каменцѣ-Подольскомъ сперва министромъ исповѣданій одного изъ украинскихъ правительствъ, а затѣмъ даже полномочнымъ представителемъ этого правительства, уѣхавшаго въ Польшу, на территоріи трехъ уѣздовъ Подоліи.

Казалось бы, тогда-то именно, обладая полнотою власти, министръ Огіенко долженъ былъ воспользоваться ею для „возстановленія освященнаго вѣковой традиціей начала въ жизни Церкви и избираемости всѣхъ духовныхъ лицъ", а также осуществленія „полной независимости Церкви отъ государства". Что же было на самомъ дѣлѣ и въ какой степени теперешнія слова проф. Огіенки соотвѣтствуютъ его тогдашнимъ дѣйствіямъ?

Совершенно недвусмысленный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ историкъ украинской революціи Александръ Доценко, который въ т. II кн. 4-й своего труда „Літопис Української Революції" (Київ—Львів, 1923) перечисляетъ цѣлый рядъ фактовъ и приводитъ много документовъ, ярко рисующихъ характеръ дѣятельности проф. Огіенки въ упомянутый нами періодъ.

А именно, на стр. 117-126 названнаго труда, эпиграфомъ къ которому поставлены слова — „Отече-

ство на язиці, а в серці облуда", авторъ описываетъ организацію такъ наз. „Українського Св. Синоду" и дѣятельность министра исповѣданій И. Огіенки.

Прежде всего приводятся 3 законодательные акта украинской гражданской власти, подъ которыми виднѣется и подпись министра Огіенки, о началахъ организаціи Православной Церкви на Украинѣ или, какъ она называется въ этихъ актахъ, „Української Автокефальної Православної Соборної Церкві". Этими же актами учреждается для управленія Церковью „Український Священний Сінод" и назначается составъ этого органа, причемъ: министру исповѣданій предоставляется право вносить измѣненія въ составъ членовъ „Синода", указывается срокъ для начала его работы и устанавливается, что „полный уставъ Синода будетъ выработанъ Священнымъ Синодомъ совмѣстно съ министромъ исповѣданій".

Про открытіе дѣятельности этого „Синода" авторъ передаетъ, что оно состоялось 14 августа 1919 года, причемъ предварительно былъ отслуженъ молебенъ; его правилъ прот. В. Липковскій, который произнесъ слово про „необходимость церковн..й реформы на Украинѣ, вызываемую тѣмъ, что каноны утратили свое значеніе".

Въ составъ Синода должны были, по распоряженію гражданской власти, войти: одинъ Епископъ, два священника, одинъ діаконъ и три міранина. Въ виду того, что не нашлось Епископа, который пожелалъ бы стать членомъ подобнаго „Синода", образуемаго „потому, что каноны утратили свое значеніе", то „Епископа въ Синодѣ не было"; онъ состоялъ изъ протоіереевъ: І. Сицинскаго, В. Липковскаго, М. Крамаренки и мірянъ—В. Чеховскаго и декана богословскаго факультета Каменецкаго Университета В. Бѣднова. Подобный „Синодъ" тотчасъ же „рѣшилъ засѣдать и безъ Епископа", избравъ своимъ предсѣдателемъ В. Липковскаго; но, какъ пишетъ А. Доценко,— „фактически предсѣдательствовалъ И. Огіенко, который являлся въ Синодѣ представителемъ государственной власти,.. что вызывало неудовольствіе В. Липковскаго и В. Чеховскаго". Синоду были присвоены функціи быв. Россійскаго Синода.

Изъ работы этого незаконнаго и неканоническаго учрежденія ничего не вышло и его дѣятельность вскорѣ фактически прекратилась. Духовенство и паства просто не обратили на него никакого вниманія, что признаетъ и самъ авторъ книги, со злобою отмѣчая, что „некому было всю эту банду выселить изъ границъ Украины или просто перестрѣлять", и что позиція духовенства вполнѣ одобрялась „вѣрной паствою".

Зато министръ старался, должно быть во имя „соборнаго начала", наверстать то, чего не поддерживало ни духовенство, ни паства. Такъ, въ іюнѣ 1919 года онъ издаетъ циркуляръ, требуя отъ архіереевъ Украины признанія распоряженія свѣтской власти о провозглашеніи Автокефаліи Украинской Церкви. „Съ назначеніемъ министромъ исповѣданій проф. И. Огіенки распоряженія государственной власти умножаются". Циркуляромъ, отъ 16 октября 1919 года, онъ отдаетъ епархіальнымъ начальствамъ распоряженіе объ измѣненіи богослужебнаго языка; 18 октября того же года—распоряженіе о порядкѣ дѣлопроизводства въ церковныхъ учрежденіяхъ и приходахъ, причемъ угрожаетъ ослушникамъ устраненіемъ отъ должности и судебной отвѣтственностью; 24 октября издается такое же распоряженіе, подробно устанавливающее не только языкъ, но и фонетику произношенія при богослуженіяхъ, чтеніи Евангелія, проповѣдяхъ и т. д., а также при преподаваніи Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, и опять грозящее судомъ и карами; наконецъ, 7 ноября за № 2128 предписывается епархіальнымъ начальствамъ производить назначенія только съ согласія „министра исповѣданій".

Въ кн. 5-й того же тома своего труда А. Доценко на стр. 183 и слѣд. разсказываетъ, какъ министръ исповѣданій И. Огіенко „уволилъ отъ должности" архіепископа Пимена Подольскаго и Брацлавскаго, а когда паства (называемая имъ „кликушами и вѣрными людьми") стала на сторону своего архипастыря,— И. Огіенко „просилъ помощи изъ Варшавы", какъ, наконецъ, министръ исповѣданій лично занимался такими дѣлами, какъ провѣрка того, правильно-ли разрѣшались браки епархіальной властью.

Итакъ, мы видимъ, что, будучи на посту министра исповѣданій, И. Огіенко не только не признавалъ соборности и независимости Церкви, но подчинилъ ее власти глажданской въ степени, до которой доходилъ развѣ Петръ Великій въ Россіи, и вмѣшивался во всѣ дѣла, не взирая на каноны и вопреки имъ; наконецъ, онъ-же положилъ фактически начало Липковщинѣ, способствовавъ выдвиженію тогдашняго прот. В. Липковскаго на постъ предсѣдателя незаконнаго Синода, вопреки канонамъ, но по волѣ власти гражданской, пытавшагося возглавить Православную Церковь на Украинѣ, въ полномъ противорѣчіи съ ея прошлымъ.

Тутъ же мы переходимъ къ вопросу гораздо болѣе важному, нежели расхожденіе между словами и дѣлами проф. Огіенки, каковое обстоятельство въ концѣ концовъ лишь характеризуетъ нравственный обликъ одного изъ профессоровъ нашего Богословскаго Отдѣла.

Уже отчетъ газеты „За Свободу", цитированный нами выше, объ этой лекціи, при всей видимой благожелательности къ личности и взглядамъ лектора, вынужденъ „рѣшительно протестовать противъ благожелательнаго отношенія къ Липковщинѣ, которая самымъ грубымъ образомъ нарушила элементарныя основы каноничности". И дѣйствительно, въ этомъ отчетѣ, который сама редакція рекомендуетъ какъ „вполнѣ объективный", мы находимъ слѣдующія строки:

„Профессоръ вскользь останавливается на извѣстной „хиротоніи" главы украинской автокефальной церкви Липковскаго, называя актъ 1 октября 1921 г. (день хиротоніи) „актомъ отчаянія" въ жизни Украинской Церкви. Однако, каково бы ни было личное отношеніе профессора къ этому „акту", нельзя,—говоритъ онъ,—съ украинской автокефальной Церковью не считаться. Можно по разному относиться къ ней, но относиться надлежитъ очень серьезно".

И далѣе объ этой Церкви проф. Огіенко говоритъ съ явной симпатіей и съ нескрываемой враждебностью упоминаетъ о другой украинской Церкви, которую онъ называетъ „Живой", и во главѣ которой стоитъ Митрополитъ Пименъ.

Далѣе проф. Огіенко говоритъ о положеніи Православной Церкви въ Польшѣ, причемъ главнымъ образомъ останавливается на дѣйствіяхъ украинцевъ, „ведущихъ борьбу за свою національную Церковь". По его словамъ, „борьба эта была особенно сильна въ 1927 г., когда былъ созванъ въ Луцкѣ на Волыни съѣздъ по церковнымъ дѣламъ. Къ этому съѣзду можно также относиться по разному, но надо смотрѣть на него серьезно. И, конечно, нельзя было противопоставлять ему съѣзда, созваннаго въ томъ же году въ Почаевской Лаврѣ".

Итакъ, И. Огіенко считаетъ, что можно относиться „по разному", т. е. и благожелательно, къ такимъ явленіямъ, какъ кощунственная Липковщина и Луцкій „церковный" съѣздъ, созванный для сужденія

о дѣлахъ Церкви, вопреки прямому распоряженію Высшей Церковной Власти. Самъ онъ не говоритъ, какого изъ возможныхъ „разныхъ" взглядовъ онъ придерживается, но изъ того, что даже отчетъ „За Свободу" признаетъ это отношеніе „благожелательнымъ", что въ лекціи мы не нашли прямого осужденія этихъ явленій, но наоборотъ, слышали явное порицаніе противоставимыхъ имъ — безспорно канонической власти Митрополита Пимена и несомнѣнно законнаго Волынскаго Епархіальнаго Собранія въ Почаевской Лаврѣ, —мы вполнѣ въ правѣ заключить, что „За Свободу" вѣрно опредѣлила мнѣніе проф. И. Огіенки. Если же это такъ, если вообще можно, конечно, признать, что лицо, несвязанное съ Православной Церковью, можетъ „по разному", т. е. и сочувственно, разсматривать подобныя глубоко антицерковныя явленія, какъ Липковщина и Луцкій съѣздъ, то подобное отношеніе слѣдуетъ признать безусловно недопустимымъ, если оно проявляется профессоромъ Православнаго Богословскаго Отдѣла, воспитывающаго будущихъ пастырей Православной Церкви въ Польшѣ.

Лицо, занимающее этотъ постъ, не можетъ мыслить „по разному", а тѣмъ болѣе ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно исповѣдывать и высказывать воззрѣній антицерковныхъ и антиканоническихъ.

Положеніе обязываетъ, и съ этимъ слѣдуетъ считаться. Правда, проф. Огіенко, какъ не получившій богословскаго образованія и, такъ сказать, канонистъ-самоучка, можетъ плохо разбираться въ вопросахъ церковныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но тогда не слѣдовало бы вообще выступать, а тѣмъ болѣе публично, на эти мало знакомыя темы и ужъ отнюдь не позволять себѣ рискованныхъ экскурсій, столь опасныхъ для профана, въ область сужденій о томъ, что „канонично" или „неканонично". Вѣдь, эти каноны обязательны для всѣхъ членовъ Церкви, а тѣмъ болѣе для руководителей и наставниковъ ея будущихъ пастырей, и совершенно немыслимо, чтобы въ этой роли выступали лица, склонныя думать, что „каноны утратили обязательную силу".

Въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о „свободѣ научной мысли" и прочихъ аттрибутахъ научнаго изслѣдованія. Какъ Іерархія, такъ и лица, подготовляющія кандидатовъ на іерархію, обязаны блюсти чистоту каноновъ и бдительно слѣдить за воспитаніемъ духовенства въ ихъ духѣ. Поэтому то ни одинъ членъ іерархіи, отъ Епископа и до рядового чтеца церковнаго, ни одинъ изъ преподавателей духовно-учебнаго заведенія не можетъ быть одобряемъ за противоположныя его религіозныя и нравственныя воззрѣнія.

Не можетъ, также, встрѣтить положительную оцѣнку со стороны вѣрныхъ и любящихъ сыновъ Православной Церкви въ Польшѣ пожеланіе, высказанное проф. Огіенко, чтобы „Министерство Исповѣданій и Народнаго Просвѣщенія призвало бы къ жизни Комиссію, составленную изъ спеціалистовъ" съ цѣлью разработки плана преобразованія въ „Украинской Православной Церкви въ Польшѣ"; такъ какъ уже сама терминологія этого проекта указываетъ на тенденцію къ вызову раскола въ единой Православной Церкви въ Польшѣ путемъ образованія особой „Украинской Церкви".

Альфа.

Церковное обозрѣніе.

Для того, чтобы судить о томъ, въ какихъ условіяхъ протекаетъ Православная церковная жизнь въ Россіи, не имѣемъ другихъ данныхъ, кромѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ совѣтской печатью. О какихъ же фактахъ сообщаетъ эта печать? Просмотръ совѣтскихъ газетъ за одну недѣлю даетъ въ наше распоряженіе слѣдующій матеріалъ:

Егорьевскій городской совѣтъ закрылъ мѣстный монастырь и городской соборъ. Въ монастырскихъ зданіяхъ и храмахъ размѣщены организаціи піонеровъ, въ соборѣ — музей текстильной промышленности. Кромѣ того, совѣтъ постановилъ снять со всѣхъ Егорьевскихъ церквей колокола и передать ихъ „Рудметалторгу" для переплавки.

Въ Молосквицкомъ районѣ большевиками закрыта Яблоницкая церковь.

Въ Твери большевиками закрыта Кресто-Воздвиженская церковь, въ помѣщеніи которой устроенъ рабочій клубъ.

Въ Артемовскѣ закрытъ мѣстный православный соборъ.

Въ Ново-Черемховѣ большевиками закрыта мѣстная православная церковь, въ помѣщеніи которой устроенъ кинематографъ.

Въ Москвѣ большевиками закрыта церковь свв. Апостоловъ Петра и Павла въ Рогожско-Симоновскомъ раіонѣ и въ зданіи церкви устроенъ піонерскій клубъ. Закрыта также Православная церковь на Устинской ул. въ Москвѣ и въ зданіи ея устроена столовая-закусочная.

Изъ этого перечня совершенно очевидно вытекаетъ, что ни о какомъ улучшеніи церковнаго положенія въ Россіи говорить не приходится. Попрежнему принудительное закрытіе Православныхъ храмовъ продолжаетъ быть тамъ обыденнымъ явленіемъ, и можно предполагать, что новыя гоненія обрушиваются, прежде всего, на тѣ многочисленные приходы, которые не послѣдовали за Митрополитомъ Сергіемъ въ его признаніи совѣтской власти. Но, конечно, и лояльность по отношенію къ этой власти не обезпечиваетъ удовлетворительнаго теченія церковной жизни. При малѣйшемъ затрудненіи, возникающемъ передъ коммунистической властью, гоненія въ первую очередь обрушиваются на Церковь и духовенство. Такъ происходитъ сейчасъ въ связи съ перевыборами совѣтовъ, когда коммунистическая печать обвиняетъ духовенство въ козняхъ противъ „диктатуры пролетаріата" и въ заговорахъ съ „кулаками", такъ происходитъ и во время кампаніи по „чисткѣ" совѣтскихъ учрежденій и высшихъ учебныхъ заведеній, когда изъ нихъ изгоняются и лишаются заработка и доступа къ образованію дѣти духовенства и его родственники, такъ, наконецъ, происходитъ нынѣ на совѣтской Украинѣ, гдѣ типографіямъ запрещено принимать къ печатанію „Украинскій Церковный Благовѣстникъ" — органъ вполнѣ лояльнаго Митрополита Пимена, Главы Украинской Автокефальной Православной Церкви. Въ томъ то и весь ужасъ положенія, создавшагося для Церкви въ СССР, что существующая власть не только требуетъ отъ Церкви невмѣшательства въ дѣла государства, но активно проповѣдуетъ безбожіе, направленное противъ Церкви и несовмѣстимое съ ея существованіемъ. И въ этомъ отношеніи напряженіе совѣтской политики ни на минуту не ослабѣваетъ: въ то время, какъ недостатокъ бумаги, ощущаемый въ послѣднія недѣли на совѣтскомъ рынкѣ, заставляетъ правительство совѣтской Украины запрещать печатаніе церковнаго изданія, на печатаніе „Безбожника" и другой антирелигіозной литературы находится у большевиковъ достаточно средствъ, бумаги и красокъ. И дѣлается это

несмотря на то, что на „безбожномъ фронтѣ“ дѣла у большевиковъ изъ рукъ вонъ плохи. Въ этомъ отношеніи очень показательна статья нѣкоего Стукова, напечатанная въ № 2 „Безбожника“ за 1929 годъ. Въ статьѣ этой, между прочимъ, сказано:

„Оживленіе дѣятельности религіозныхъ организацій побуждаетъ пристально присмотрѣться къ положенію дѣлъ на антирелигіозномъ фронтѣ. Первое, что бросается въ глаза, это — равнодушное, пассивное отношеніе къ борьбѣ съ религіей со стороны партійныхъ, комсомольскихъ, профсоюзныхъ и прочихъ организацій, а также со стороны совѣтскихъ учрежденій, особенно Наркомпроса. И это именно отъ того, что необходимость борьбы съ религіей въ интересахъ соціалистическаго строительства недооцѣнивается, несмотря на неоднократныя соотвѣтствующія постановленія руководящихъ партійныхъ органовъ. Но пристальное вниманіе къ антирелигіозному фронту обнаруживаетъ не только указанное выше къ нему отношеніе со стороны партійныхъ, общественныхъ организацій и учрежденій. Мы должны совершенно опредѣленно констатировать тотъ фактъ, что и самъ союзъ безбожниковъ — слабъ какъ организація. Съ организаціей, построенной по типу и по принципу обычныхъ обществъ, успѣшно бороться съ религіей нельзя. А организаціи союза безбожниковъ по этому именно типу и построены. И причина этого лежитъ опять-таки въ недооцѣнкѣ роли и значенія религіи и борьбы съ ней, недооцѣнкѣ содержанія и существа антирелигіозной пропаганды. А это существо таково, что послѣ партіи союзъ безбожниковъ — наиболѣе боевая и наиболѣе политическая организація. И поэтому организаціонные принципы рабочихъ обществъ для союза безбожниковъ не годятся. Здѣсь нужна организація по типу партіи, т. е. централизованная и дисциплинированная организація. Отсутствіе именно такой организаціи и обуславливаетъ слабость союза безбожниковъ. И совершенно очевидно, что при наличіи централизованной и дисциплинированной организаціи союза безбожниковъ отношеніе къ антирелигіозной борьбѣ со стороны равнаго рода организацій и учрежденій было бы иное: такая организація заставила бы ихъ активно поддерживать себя. На почвѣ равнодушнаго отношенія партійныхъ и общественныхъ организацій и учрежденій къ работѣ союза безбожниковъ кое у кого зародилось, такъ сказать, упадочное настроеніе, выражающееся въ сомнѣніи въ цѣлесообразности существованія самаго союза безбожниковъ. Такой взглядъ — глубоко ошибочный взглядъ и ему надо дать рѣшительный отпоръ. Союзъ безбожниковъ есть боевая общественная пролетарская организація, при помощи которой единственно возможно организовать и создать мощное антирелигіозное движеніе. И задача состоитъ именно въ томъ, чтобы превратить союзъ безбожниковъ въ массовую организацію и обезпечить ему поддержку и содѣйствіе другихъ организацій и учрежденій. Задача состоитъ въ томъ, чтобы сейчасъ повести энергичную борьбу съ недооцѣнкой значенія борьбы съ религіей въ интересахъ соціалистическаго строительства какъ внутри профсоюзовъ, комсомола и учрежденій, такъ и въ рядахъ самой партіи и создать широкіе кадры безбожниковъ. Задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы положить въ основу союза безбожниковъ принципъ боевой, централизованной и дисциплинированной организаціи и съ этой цѣлью повести широкую подготовительную роботу къ всесоюзному съѣзду безбожниковъ“.

———

Балканская печать сообщаетъ о провозглашеніи автокефаліи Православной Церкви въ Албаніи. Св. Вселенскій Патріархатъ, въ составъ котораго входила до сихъ поръ Албанская митрополія, благословилъ его автокефалію. Первымъ Митрополитомъ Автокефальной Албанской Церкви является Высокопреосвященный Виссаріонъ, Митрополитъ Тиранскій и всея Албаніи. Въ Тиранѣ, въ присутствіи правительства и дипломатическаго корпуса, состоялась закладка Православнаго митрополитальнаго собора.

———

О закладкѣ новыхъ большихъ православныхъ храмовъ сообщаютъ изъ далекихъ Шанхая и Чикаго. Въ послѣднемъ городѣ денежныя пожертвованія, собранныя православнымъ населеніемъ города на сооруженіе собора, достигли значительной суммы 1 милліона долларовъ.

Политическое обозрѣніе.

Новый рапортъ американскаго финансоваго эксперта при Польскомъ Банкѣ г. Дьюйя, опубликованный въ Америкѣ, содержитъ успокоительныя данныя объ экономическомъ и финансовомъ положеніи Польши. Опубликованіе этихъ данныхъ явилось тѣмъ болѣе своевременнымъ, что подъ вліяніемъ нѣкоторой депрессіи на денежномъ рынкѣ и усилившейся въ январѣ с. г. дефицитности нашего внѣшняго торговаго баланса, общественное мнѣніе Польши склонно было недооцѣнивать положительныя стороны экономическо-финансоваго положенія страны и переоцѣнивать опасности, угрожающія мирному теченію экономической жизни. Въ рапортѣ г. Дьюйя весьма важной является общая благопріятная оцѣнка господствующихъ въ Польшѣ политическихъ и экономическихъ условій. Еще болѣе важнымъ является оптимистическое и успокоительное отношеніе американскаго спеціалиста къ дефицитности торговаго баланса Польши и къ общему уровню экономическаго благосостоянія страны. Г. Дьюй считаетъ, что уровень благосостоянія населенія Польши постоянно повышается и что дефицитность торговаго баланса косвеннымъ образомъ свидѣтельствуетъ объ увеличеніи потребностей и объ усиленіи покупательной способности населенія Польши. По мнѣнію г. Дьюйя надо лишь стремиться къ тому, чтобы какъ въ Германіи послѣ войны и инфляціи увеличить путемъ повышенія собственной производительности матеріальныя средства страны и усилить процессъ капитализаціи, безъ которой экономическая жизнь Польши не можетъ существовать и развиваться на прочныхъ основаніяхъ.

Намъ кажется, что эти успокоительныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи Польши до нѣкоторой степени предрѣшаютъ развитіе внутреннихъ политическихъ отношеній въ странѣ въ ближайшемъ будущемъ. Политика и экономика неизмѣнно находятся между собой въ самой тѣсной связи и улучшеніе матеріальныхъ условій національнаго существованія можетъ лишь способствовать укрѣпленію того государственнаго строя, который вывелъ Польшу изъ состоянія экономической и политической анархіи къ нынѣ существующей стабилизаціи всѣхъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ отношеній въ странѣ. А такъ какъ дальнѣйшая стабилизація этихъ отношеній настоятельно требуетъ измѣненія государственной конституціи Польши въ направленіи, предуказанномъ безпартійнымъ правительственнымъ парламентскимъ блокомъ во внесенномъ въ Сеймъ проектѣ, то можно полагать, что въ сравнительно недалекомъ будущемъ проектъ этотъ изъ законодательнаго предположенія превратится въ основной законъ.

———

Работы комитета экспертовъ по репараціямъ привели къ выработкѣ опредѣленнаго проекта по одному изъ поставленныхъ на обсужденіе комитета вопросовъ, дающаго извѣстное указаніе объ общемъ направленіи работъ комитета. По плану Дауса, выплата государствамъ-кредиторамъ суммъ, вносимыхъ Германіей агенту по репараціямъ, обусловливается согласіемъ комитета по переводамъ, имѣющаго цѣлью охранять прочность германской валюты. Комитетъ экспертовъ предлагаетъ раздѣлить германскіе платежи на двѣ части, изъ которыхъ одна должна выплачиваться безусловно,—чтобы создать возможность коммерціализаціи репараціонныхъ обязательствъ. Другая часть платежей можетъ быть задержана по требованію Германіи, если таковое будетъ уважено особымъ совѣщательнымъ комитетомъ. Извѣстіе объ этомъ проектѣ принято въ Германіи весьма неблагопріятно. Вся печать высказывается противъ проекта; націоналистическія газеты требуютъ отозванія германскихъ экспертовъ. Согласно сообщенію агентства Вольфа, въ германскихъ политическихъ кругахъ считаются вообще невозможными годовые платежи болѣе одного милліарда мар. и то при условіи, что союзники гарантируютъ прочность германской валюты. Остается выждать, насколько эти германскіе проекты носятъ характеръ „запроса“ въ переговорахъ.

Въ виду предстоящихъ исключительно-важныхъ для Германіи международныхъ переговоровъ, продолжаются попытки создать кабинетъ „большой коалиціи“, который опирался бы на прочное большинство въ рейхстагѣ. Хотя кабинетъ рѣшилъ остаться у власти и послѣ отозванія центромъ своего представителя фонъ-Геварда, но нынѣшнее положеніе признается совершенно нетерпимымъ. Центръ попрежнему требуетъ 3 портфелей, а германская народная партія ставитъ условіемъ удовлетворенія этого требованія введеніе ея представителей въ составъ прусскаго кабинета. Выходъ, предложенный прусскимъ премьеромъ Брауномъ о введеніи въ прусское правительство одного изъ общегерманскихъ министровъ—членовъ нар. партіи, былъ отвергнутъ этой партіей. Неуступчивость партіи привела, наконецъ, къ энергичному выступленію ея собственнаго предсѣдателя Штреземана, дѣйствующаго въ полномъ согласіи съ канцлеромъ Миллеромъ. По требованію Штреземана созванъ центральный комитетъ партіи, на которомъ мин. ин. дѣлъ имѣетъ въ виду поставить ультимативное требованіе о предоставленіи центру требуемыхъ имъ портфелей въ общегерманскомъ правительствѣ, съ отложеніемъ вопроса о реорганизаціи прусскаго кабинета. Въ случаѣ отклоненія этого требованія Штреземанъ угрожаетъ сложеніемъ съ себя обязанностей, какъ министра, такъ и предсѣдателя партіи. Въ печати высказывается ожиданіе, что требованіе Штреземана будетъ удовлетворено.

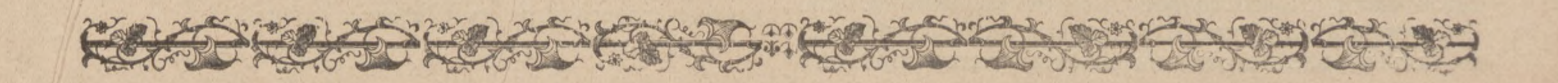
КРАТКАЯ ГОДИЧНАЯ ИСТОРІЯ Русской Православной Церкви (1927—1928 г.г.) *).

Экзарху Митрополиту Михаилу, по пріѣздѣ его съ Кавказа, изъ ссылки, было предложено на выборъ: написать декларацію свою и получить титулъ Митрополита Кіевскаго, или отправиться въ путешествіе къ Мѣстоблюстителю Митрополиту Петру за полярный кругъ. Онъ выбралъ первое и написалъ декларацію даже лѣвѣе деклараціи Митрополита Сергія, въ которой особенно нападаетъ на епископатъ и духовенство, сущихъ въ эмиграціи. Но потомъ, видимо, боясь народнаго возмущенія, остановилъ разсылку своей деклараціи, такъ что выпустилъ въ свѣтъ самое малое число экземпляровъ и она широкой публикѣ неизвѣстна. Мнѣ пришлось ее читать, но для себя не удалось пока достать ни одного экземпляра на память. И затѣмъ, въ январѣ, Митрополитъ Михаилъ въ Кіевѣ въ частной квартирѣ собралъ человѣкъ 12 украинскихъ епископовъ. И одно изъ постановленій сего собранія было предоставленіе Митрополиту Михаилу единоличныхъ полномочій на всѣ дѣла. Видимо, движеніе вѣрующихъ противъ Синода Митрополита Сергія здѣсь повліяло такъ, что въ Москвѣ Синодъ рѣшаетъ всѣ дѣла, а въ Кіевѣ—Митрополитъ Михаилъ, также находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ безбожной власти.

Относительно политики заграничнаго епископата и духовенства далъ разъясненіе одинъ изъ украинскихъ епископовъ, сущій въ Соловкахъ съ 1926 года за борьбу противъ притязаній на Мѣстоблюстительство Митрополита Агаѳангела, бывшій членъ Священнаго Собора 1917-18 г. г. Этотъ епископъ разъяснилъ, что 2-15 августа 1918 г., послѣ полугодового колебанія, было постановленіе Всероссійскаго Собора о прекращеніи церковной политики и союза Церкви съ государствомъ, а также о прекращеніи молитвы за власть и предоставленіе всѣмъ членамъ Русской Православной Церкви вести политику частную, кто какую желаетъ, согласно своей совѣсти. А общая церковная политика отнынѣ прекращается и вѣрующіе уже болѣе не будутъ наказываться церковными карами за свои политическія убѣжденія. Это постановленіе Всероссійскаго Собора не имѣетъ власти отмѣнить и самъ Патріархъ. Лично провѣрить это постановленіе мнѣ не удалось за неимѣніемъ документовъ Собора, а можетъ быть это было постановленіе Собора тайное, подобно даннымъ отъ Собора полномочіямъ, въ виду исключительности времени, единолично назначать себѣ замѣстителей, какъ это разъяснилъ тотъже епископъ въ моментъ борьбы Митрополита Сергія съ Архіепископомъ Григоріемъ — Предсѣдателемъ В. Ц. С. въ началѣ 1925 года. Сей епископъ, какъ на примѣръ веденія епископами одной и той-же Помѣстной Церкви противоположной политики, указалъ на въ Бозѣ почившаго Владыку Николая Японскаго, который, принадлежа къ Россійской Православной Церкви со своею Японской паствой, въ 1904-5 годахъ благословлялъ православныхъ японцевъ-воиновъ сражаться за Японію противъ Россіи, то-есть членовъ одной и той-же Православной Церкви. Въ то же время Святѣйшій Синодъ благословлялъ русскихъ воиновъ сражаться противъ Японіи. И никто въ то время, даже самъ Митрополитъ Сергій, тогда Епископъ Ямбургскій, не обвинялъ Преосвященнаго Николая Японскаго за противоположную-политику—противъ политики своей Матери Церкви. Находили это въ порядкѣ вещей. А теперь, увы, время лукавое. Мудрые объюродѣша.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*) См. „Воскресное Чтеніе“ № 5, 6.

войны, когда цѣнилось единодушіе народа, газеты и авторы школьныхъ книгъ начали походъ противъ Православія, понося и обвиняя его въ дѣлахъ, въ которыхъ оно не повинно, и замалчивая всѣ его заслуги. Изъ безчисленнаго множества фактовъ вспомнимъ только, какъ нѣкій анонимъ на страницахъ „Postimees" (№ 173, 1927), захлебывался отъ удовольствія по поводу того, что въ Ригѣ единственный православный эстонскій храмъ, именно Петропавловскій, былъ отнятъ нѣмецкими оккупаціонными властями отъ православныхъ эстонцевъ и переданъ лютеранамъ. Статья, какъ обычно, была приправлена знакомой болтовней о руссификаціи посредствомъ вѣры и т. д. Точно также захлебывался отъ восторга и „Päewaleht" (№ 205, 1925 г.) по поводу того, что на островѣ Вормсѣ нѣтъ болѣе православнаго священника, и храмъ разрушается, причемъ были пущены въ ходъ тѣ же самыя старыя, вѣчно избитыя и горькія громкія слова о руссификаціи черезъ вѣру, гнетѣ, приманкѣ землей и обманѣ. Всѣ однако знаютъ, что обвиненіе въ приманкѣ землей есть явная ложь. Ни одинъ обвинитель еще не смогъ указать ни одного случая, чтобы кто либо обѣщалъ кому землю за переходъ въ православіе, ибо такого случая никогда не было. Напротивъ, мы могли бы привести очень много и много твердыхъ фактовъ, опровергнуть которые нѣтъ возможности, что за переходъ въ Православіе помѣщикъ сгонялъ хозяина съ хутора. — Вспомнимъ, какъ пишутъ газеты по поводу юбилея всякаго выдающагося православнаго культурнаго дѣятеля: „Среднее образованіе получилъ въ Ригѣ", замалчивая изъ ненависти къ православію, что это образованіе онъ получилъ въ православной Рижской духовной семинаріи. Вспомнимъ, какъ министръ Бауэръ хотѣлъ отстранить отъ должности учителя начальной школы лицъ, окончившихъ Рижскую духовную семинарію (полный курсъ средняго учебнаго заведенія + два года богословскаго и педагогическаго образованія), оставивъ въ этой должности воспитанниковъ Каачтаской (лютеранской) семинаріи (курсъ приходской школы + нѣкоторые педагогическіе предметы. Перев.)!!! А учебники? „Исторія Эстоніи" М. Катртаппа прямо пышетъ злобой и крайней ненавистью къ православію. Загляните только въ главу о приходѣ сюда „русской вѣры" и о царствованіи Александра III-го. Громкія слова и ложь, ложь и громкія слова. А православныя школы и особенно Рижская православная духовная семинарія? О нихъ, ни слова. Но онѣ вѣдь существовали. Десятки тысячъ получили черезъ нихъ образованіе и сдѣлались участниками духовнаго просвѣщенія и тысячи благодаря имъ и черезъ нихъ поднялись изъ грязи и сдѣлались просвѣщенными и полезными общественными дѣятелями. Есть свои заслуги и у православныхъ церковнослужителей предъ народомъ, но онѣ замалчиваются. Такіе учебники, если учитель и самъ сочувствуетъ имъ, какъ это бываетъ съ молодыми вслѣдствіе соотвѣтствующей ихъ подготовки, развращаютъ въ совершенствѣ душу учащихся и насаждаютъ въ нихъ уже съ юныхъ лѣтъ ядовитое сѣмя ненависти къ православію. Даже даровитый писатель A. Kitzberg не въ силахъ былъ освободиться отъ ненависти къ православію и старается въ своемъ „Tuuletallaja" (легкомысленный, вѣтрогонъ. Пер.) мелочными пріемами и низкопробными анекдотами, не дѣлающими чести большому писателю, издѣваться надъ православіемъ и высмѣивать его (Въ письмахъ изъ Пернова лѣтомъ 1926 года,—слѣдовательно не задолго до своей смерти, — онъ называлъ православнаго священника въ газетѣ „Päewaleht" — „дикимъ Іисусомъ", а митрополита — „Кино-артистъ". Перев.). На подготовленной, такимъ образомъ, почвѣ сѣмя ненависти, посѣянное авторами, начало скоро приносить и плоды. Первымъ зрѣлымъ снопомъ этихъ плодовъ было переименованіе домовъ православныхъ священниковъ и псаломщиковъ въ училища и затѣмъ ихъ отнятіе отъ приходовъ. Вторымъ снопомъ было отнятіе земли отъ православныхъ приходовъ, которая находится дальше опредѣленнаго разстоянія отъ храма (4 килом.). Предѣльная мѣра дальности была взята достаточная для того, чтобы большинство православныхъ приходовъ лишилось своей земли, а всѣ лютеранскіе—ее сохранили. Третій снопъ—походъ, предпринятый нѣкоторыми политическими дѣятелями противъ самаго большаго и самаго красиваго православнаго храма, находящагося въ Ревелѣ на Вышгородѣ. Мы не можемъ иначе назвать приготовленный ими законопроектъ о разрушеніи храма, какъ походомъ противъ православія по чисто вѣроисповѣднымъ мотивамъ. Въ мотивировкѣ „необходимости" разрушенія храма мы не находимъ ничего болѣе, какъ старыя, знакомыя, избитыя, горькія громкія слова о руссификаціи, русскомъ гнетѣ и т. д. Что рѣчь о руссификаціи посредствомъ вѣры есть пустая болтовня и заслуживаетъ только презрѣнія,—это ясно всякому маломальски мыслящему человѣку. Русскіе получили свою вѣру и культуру отъ грековъ, а развѣ они сдѣлались отъ этого греками? Или сдѣлались греками балканскіе славяне, которые также получили свою вѣру отъ грековъ и находились подъ культурнымъ и политическимъ вліяніемъ Византіи? Нѣтъ надобности обращаться далеко,—возьмемъ хотя-бы примѣръ отсюда: наши полувѣрцы (сэты). Они вѣдь тысячу лѣтъ какъ исповѣдуютъ „русскую вѣру" и болѣе тысячи лѣтъ какъ находились подъ „русскимъ гнетомъ", но превратились ли они черезъ вѣру въ русскихъ? Въ то время какъ эсты-лютеране, которые хоть немного умѣли лепетать по нѣмецки, начали отрекаться отъ своей національности и дали цѣлую армію „мохсеневеловыхъ нѣмцевъ", остались полувѣрцы, рабы „гнета" этой много поносимой „русской вѣры" неизмѣнно эстонцами и сохранили до сего времени чистымъ свой эстонскій характеръ. Что до „русскаго гнета", воплощеніемъ чего будто-бы является Ревельскій Соборъ, то этого нашъ народъ не испытывалъ и ничего о немъ не знаетъ. Мы знаемъ, что арендаторами казенныхъ имѣній и хуторовъ были лютеране эстонцы, сначала за низкую до смѣшного аренду, потомъ совершенно даромъ, въ то время какъ православные печеряне страдали отъ острой земельной нужды. Мы знаемъ, что эстонцевъ нигдѣ въ Россіи не отстраняли, но имъ всюду въ обширной міродержавной Россіи были открыты всѣ возможности работы и службы. Имъ не была закрыта государственная служба, и въ этомъ отношеніи русскіе не пользовались никакими преимуществами. Мы знаемъ, что эстонцы были лейбъ-медиками императоровъ, профессорами въ Русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, эстонецъ и лютеранинъ C. R. Jakobson былъ воспитателемъ царскаго сына. Развѣ это и былъ „русскій гнетъ?" Въ школахъ учили русскому языку, но вѣдь это былъ государственный языкъ, знаніе котораго полезно и необходимо, и преподаванія русскаго языка желаетъ и теперь весь народъ, кромѣ „вождей". Сюда назначали чиновниковъ изъ господствующей націи. Но и другіе народы дѣлали и дѣлаютъ то-же самое. Такъ поступаютъ англичане въ Индіи, такъ поступаютъ французы въ Алжирѣ и Тунисѣ, такъ поступаютъ голландцы на островахъ Остъ-Индіи, такъ поступаютъ эстонцы въ Печерскомъ краѣ. Когда законныя учрежденія въ Печерскомъ краѣ избрали школьнаго совѣтника, то власти не утвердили его какъ и слѣдующаго избраннаго, ибо они были православные, и сочли необходимымъ дать православнымъ русскимъ и сэтамъ лютеранина въ руководители просвѣщенія, что и сдѣлали. Если и была такъ называемая обрусительная политика, то острый конецъ ея былъ направленъ противъ балтійскаго нѣмечества, но не противъ эстонцевъ, и угнетать спеціально эстонцевъ совершенно не входило въ планы великой міровой державы и къ этому у нея не было ни

малѣйшаго желанія, такъ какъ не было смысла. Что нѣкоторые политическіе дѣятели проклинаютъ князя Шаховского даже въ могилѣ и поэтому желаютъ на народный счетъ разрушить Соборъ, постройку котораго онъ поддерживалъ, то это мы хорошо понимаемъ: князь Шаховской вѣдь былъ тотъ, кто провелъ дѣло освобожденія православныхъ крестьянъ отъ реальныхъ повинностей въ пользу лютеранскаго духовенства, какія они до того времени должны были нести. Вообще кричать о „русскомъ гнетѣ" можно только въ уши тѣхъ молодыхъ, кто не видали настоящаго гнета, кто въ 1918 г. (въ нѣмецкое окупаціонное время. Перев.) еще не имѣли сознанія и кто знаетъ исторію Эстоніи только по учебнику М. Катртапп'а. Но народъ знаетъ, что подъ „гнетомъ" русскаго правительства совершалось постепенное освобожденіе эстонцевъ изъ-подъ власти нѣмцевъ-помѣщиковъ, что въ русское время былъ невиданный прежде хозяйственный подъемъ нашего народа и что русскія школы, въ томъ числѣ многія съ казеннымъ содержаніемъ, гдѣ дѣти самыхъ бѣдныхъ родителей получали содержаніе и образованіе, выпускали массами образованныхъ людей и всякаго рода спеціалистовъ, и лишь дали возможность впослѣдствіи эстонцамъ создать аппаратъ своего самостоятельнаго государства и пустить его въ ходъ. Развѣ это и есть тотъ „русскій гнетъ", за который православныхъ эстонскихъ гражданъ необходимо наказать чрезъ разрушеніе ихъ самаго красиваго святилища. Что до того, будто стиль Собора не соотвѣтствуетъ Ревелю, то это тоже пустой предлогъ, которымъ, какъ фиговымъ листомъ, желаютъ прикрыть свой голый организмъ, ибо какъ можетъ *правовѣрный эстонецъ* обременять такъ свое сердце заботой о чистотѣ *чисто-нѣмецкаго стиля* нѣмцами построеннаго города? Кромѣ того, во всѣхъ старыхъ городахъ имѣются постройки весьма разнообразныхъ стилей, и иначе быть не можетъ, ибо при смѣнѣ эпохъ и даже столѣтій мѣняются и моды архитектурныхъ стилей. Лютеранство и православіе расходятся по своей природѣ значительно; поэтому вполнѣ естественно, что и храмы этихъ вѣроисповѣданій отличаются внѣшне чувствительно другъ отъ друга. Что „герои разрушенія" называютъ купола Ревельскаго собора „русскими луковицами", то это свидѣтельствуетъ только о некультурности этихъ людей. И мы могли бы называть башни лютеранскихъ кирокъ вверхъ ногами поставленными нѣмецкими морковками, нашестомъ пѣтуха, или еще хуже, но мы этого не дѣлаемъ, потому что лучше воспитаны.

Красивое и безобразное—дѣло вкуса, и относительно ихъ взгляды могутъ расходиться, но всякій, кто не ослѣпленъ ненавистью къ православію, долженъ признать, что православный Соборъ въ Ревелѣ есть высокоцѣнное художественное произведеніе (онъ вѣдь построенъ профессоромъ Академіи Художествъ Преображенскимъ и не въ русскомъ, а въ Византійскомъ стилѣ), самый дорогой и красивый храмъ въ Ревелѣ и во всемъ эстонскомъ государствѣ. Разрушеніе его было бы вопіющимъ вандализмомъ и подвергло бы презрѣнію культурныхъ народовъ честное и уважаемое имя эстонцевъ. Напомнимъ, что вліятельная Англиканская Церковь уже давно дѣлаетъ серьезныя попытки соединиться именно съ нами — православными, молящимися подъ этими много поносимыми „русскими луковицами". Разрушеніе Собора было бы также недозволеннымъ расходованіемъ народныхъ денегъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ цѣннаго имущества, оскорбленіемъ справедливости и религіознаго чувства, политически крайне близорукимъ шагомъ, разрушающимъ единодушіе народа и ослабляющимъ государство. Когда поляки разрушили православный Соборъ въ Варшавѣ, то неужели найдутся у насъ такіе наивные политическіе дѣятели, кто думаетъ, что польское государство, гдѣ нѣсколько милліоновъ православныхъ гражданъ, черезъ это внутренне укрѣпилось? Эстонцамъ брать примѣръ съ поляковъ—не умно. Всѣ православные въ Польшѣ—русскіе, но польскій и русскій народы, эти два брата по плоти въ семьѣ народовъ, были постоянно во враждѣ и столѣтіями воевали другъ противъ друга. Вслѣдствіе свойственной славянамъ горячности обѣ стороны впадали въ крайности и причиняли другъ другу непростительную несправедливость. Въ 16 и 17 столѣтіи поляки отдавали церкви своихъ православныхъ подданныхъ въ аренду евреямъ, которые брали тогда въ свою пользу большую плату за каждое богослуженіе и каждую требу въ церкви, а польскіе ксендзы запрягали въ свои телѣги вмѣсто лошадей православныхъ русскихъ. Если быть послѣдовательными въ подражаніи полякамъ, то не слѣдовало ли бы и въ Эстоніи такъ поступать? Нѣтъ, вожди эстонскаго государства и народа должны брать примѣръ не съ горячихъ поляковъ, чью вѣроисповѣдную политику и М. Катртапъ осуждаетъ въ своемъ учебникѣ исторіи, но съ болѣе корректныхъ родныхъ братьевъ—финновъ.

Мы ниже подписавшіеся заявляемъ самый рѣшительный протестъ противъ проекта разрушенія православнаго Собора въ Ревелѣ и противъ его осуществленія. Мы апеллируемъ къ ясному разуму и политической мудрости народныхъ вождей и вѣримъ, что они съумѣютъ и смогутъ обуздать вредное для народа и государства рвеніе разрушителей, этихъ близорукихъ фанатиковъ.

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ВЪ АНГЛІИ.

Лондонская духовная газета „Church Times" сообщаетъ о переводѣ Св. Писанія еще на одинъ новый языкъ и констатируетъ, что Англійское Библейское Общество до настоящаго времени издало Св. Писаніе уже на 608 разныхъ языкахъ. Та же газета сообщаетъ, что одинъ богатый англійскій лордъ Кронморъ принялъ священство и назначенъ настоятелемъ бѣднѣйшей Церкви въ Лондонѣ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ ОТЪ ЕРЕТИКОВЪ.

Евангелическая печать въ Польшѣ сообщаетъ. Мы располагаемъ свѣдѣніями, что католическія учрежденія, даже иногда весьма клерикальныя, обращаются къ евангеликамъ съ просьбою о денежныхъ пожертвованіяхъ. Отъ взноса таковыхъ пожертвованій бываетъ иногда неудобно уклониться. Въ принципѣ ничего нельзя имѣть противъ того, чтобы филантропическія и благотворительныя учрежденія, независимо отъ того, какая вѣроисповѣдная организація ими вѣдаетъ, обращались за помощью къ лицамъ иного исповѣданія. Всякій евангеликъ отъ всего сердца поддержитъ бѣдныхъ братьевъ-католиковъ. Къ сожалѣнію, однако, клерикальныя учрежденія въ Польшѣ нерѣдко управляются людьми, которые въ своихъ газетахъ, рѣчахъ и даже проповѣдяхъ не находятъ по отношенію къ „еретикамъ" иныхъ выраженій, кромѣ словъ презрѣнія и ненависти. Въ виду этого, во имя элементарной послѣдовательности, казалось бы, католическія учрежденія не должны бы были имѣть въ виду „еретиковъ" при сборѣ въ свою пользу пожертвованій. Тѣмъ болѣе, что евангелики имѣютъ свои благотворительныя учрежденія, широко открытыя для всѣхъ нуждающихся, безъ различія вѣры, и нельзя при этомъ указать ни одного случая, чтобы промышленники-католики способствовали ихъ содержанію.

№ 9 сданъ на почту 28 февраля въ 9 часовъ вечера.

Redaktor-Wydawca P. Ziemcow. Редакторъ-Издатель П. Земцовъ.

Drukarnia Synodalna. Warszawa-Praga, Zygmuntowska 13.